

Геополитика

Тема: мультиполяр-
НОСТЬ

Идеологический кризис
западного капитализма

Джозеф Стиглиц

Кризис политической экономики

Джордж Фридман

Дело в отношении рейтинговых
агентств

Майкл Хадсон

Геополитическая концепция

Р. Штраусц-Гупе

Якушина О.И.

Выпуск XII

2011

Кафедра Социологии Международных Отношений
Социологического факультета МГУ
имени М.В. Ломоносова

Геополитика

Информационно-аналитическое издание

Тема выпуска:

Многополярность

Выпуск XII

Москва 2011 г.

Геополитика.
Информационно-аналитическое издание.
Выпуск XII, 2011. - 100 стр.

Печатается по решению кафедры
Социологии Международных Отношений
Социологического факультета МГУ им М.В. Ломоносова.

Главный редактор:
Савин А.В.

Научно-редакционный совет:
Агеев А.И., докт. эконом. наук
Добаев И.П., докт. философ. наук
Дугин А.Г., докт. полит. наук
Комлева Н.А., докт. полит. наук
Майтдинова Г. М., докт. истор. наук
Мелентьева Н.В., канд. философ. наук
Попов Э.А., докт. философ. наук
Черноус В.В., канд. философ. наук
Четверикова О.Н., канд. ист. наук
Альберто Буэла (Аргентина)
Тиберио Грациани (Италия)
Мехмет Перинчек (Турция)
Матеуш Пискорски (Польша)

© – авторы.
Адрес редакции:
РФ, 115432 г. Москва, 2-й Кожуховский пр. д 12, стр. 2
Тел. (495) 679 25 11
Факс (495) 783 68 66
Geopolitika.ru@gmail.com
www.geopolitika.ru

СОДЕРЖАНИЕ

Многополярность как проект миропорядка с позиции Суши.	4
<i>Дугин А.Г.</i>	
Наступление многополярности.	15
<i>Иммануил Валлерстайн</i>	
К вопросу о методе геополитики в условиях многополярного мира	24
<i>Желтов В.В., Желтов М.В.</i>	
Необходимость стратегии в многополярном мире: рекомендации для ЕС после Лиссабона.	32
<i>Томас Ренард, Свен Бишоп</i>	
Предпосылки многополярного мирового порядка . .	41
<i>Савин А.В.</i>	
Многополярность, становящаяся «многосторонней».	52
<i>Альваро де Васконселос</i>	
Восточноевропейский национал-популизм и концепции многополярного мира	74
<i>Бовдунов А.А.</i>	
Рецензии.	87
Сведения об авторах	98

Многополярность как проект миропорядка с позиции Суши

Дугин А.Г.

Многополярность представляет собой резюме «геополитики-2»¹ в актуальных условиях развертывания глобальных процессов. Это чрезвычайно емкое понятие, требующее досконального рассмотрения.

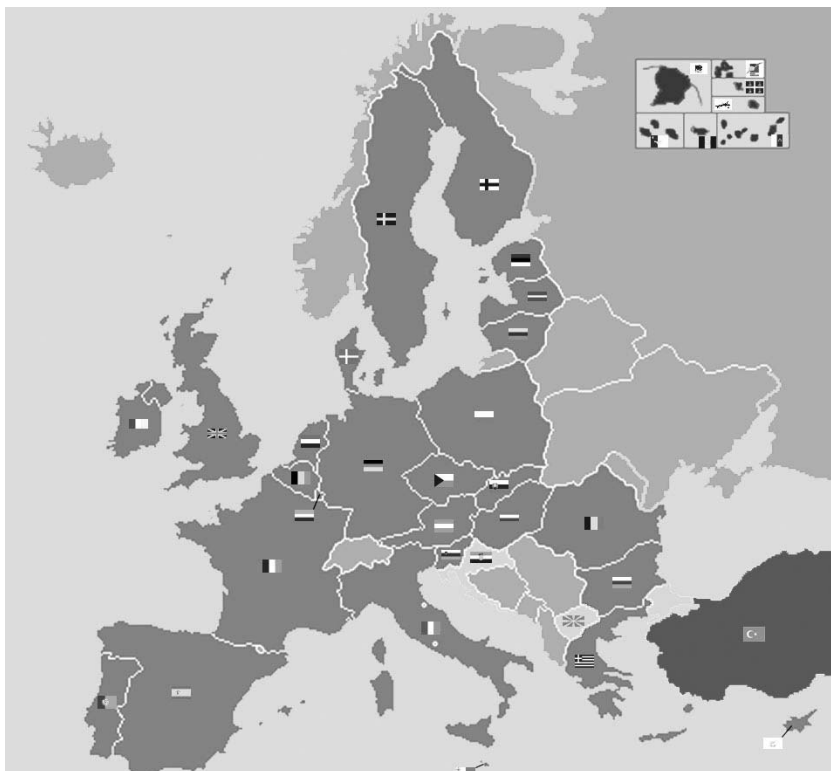
Многополярность (multipolarism) – это *реальная антитеза однополярности* во всех ее проявлениях: *жестком* (империализм, неоконсы, прямая доминация США), *мягком* («многосторонность», multilateralism) и *критическом* (альтерглобализм, постмодернизм, неомарксизм).

Жесткая версия однополярности (радикальный американский империализм) основана на том, что США заявляют себя как последний оплот мирового порядка, процветания, комфорта, безопасности и развития, окруженный хаосом недоразвитых обществ. Многополярность утверждает прямо противоположное: США – это существующее среди многих других национальное государство, чьи ценности сомнительны (или, по крайней мере, относительно), претензии диспропорциональны, аппетиты чрезмерны, методы ведения внешней политики неприемлемы, а технологический мессианизм губителен для культуры и экологии всего мира. В этом смысле многополярный проект является жесткой антитезой США как инстанции, которая методично строит однополярный мир, и нацелен на то, чтобы категорически не допустить, сорвать и предотвратить это строительство.

Мягкая версия однополярности провозглашается действующей не только от имени США, но от имени «человечества», при том, что под ним понимается исключительно Запад и те общества, которые согласны с универсальностью западных ценностей. «*Мягкая однополярность*» призывает не навязывать силой, а убеждать, не принуждать, а объяснять выгоды, которые народы и страны получают от вступления в глобализацию. Здесь полюсом выступает не одно национальное государство (США), а западная цивилизация в целом как квинтэссенция всего человечества.

Такая, как ее иногда называют, «*многосторонняя*» *однополярность* (multilateralism, многосторонность) отвергается *многополярностью*, считающей, что западная культура и западные ценности представляют собой лишь один ценностный набор среди многих иных, одну культуру среди разных других культур, что культуры и ценностные системы, построенные на совершенно иных принципах,

¹ Было бы логичным, если бы «геополитикой-2» мы назвали геополитику Суши, интеллектуальные труды мыслителей «сердечной земли» и планетарных стратегов строительства русской сухопутной империи.

имеют полное право на существование, и поэтому у Запада в целом и у тех, кто разделяет его ценности, нет никаких оснований настаивать на универсальности демократии, прав человека, рынка, индивидуализма, личной свободы, секулярности и т.п. и строить на базе этих нормативов глобальное общество.

Против *альтерглобализма* и *постмодернистского антиглобализма* *многополярность* выдвигает тезис о том, что капиталистическая фаза развития и построение глобального капитализма в мировом масштабе не является необходимой фазой развития общества, и само такое уведение есть произвол и стремление навязать разным обществам один единственный сценарий истории. В то же время, смешение человечества в единый мировой пролетариат является не путем к лучшему будущему, а побочным и абсолютно отрицательным эффектом глобального капитализма, не открывающим никаких новых перспектив и ведущим лишь к деградацию культур, обществ и традиций.

Если у народов и есть шансы организовать эффективное сопротивление мировому капитализму, так только там, где социалистические идеи

сочетаются с элементами традиционного общества (архаическими, аграрными, этническими и т.д.), как это было в истории СССР, Китая, Северной Кореи, Вьетнама и имеет место сегодня в некоторых странах Латинской Америки (например, в Боливии, Венесуэле, на Кубе и т.д.).

Далее, *многополярность* – это совершенно иной взгляд на пространство земли, нежели *биполярность*, двухполюсный мир.

Многополярность представляет собой нормативный и императивный взгляд на нынешнюю ситуацию в мире с позиции Суши и качественно отличается от той модели, которая преобладала в Ялтинском мире в эпоху «холодной войны».

Двухполюсный мир строился по идеологическому принципу, где в качестве полюсов выступали две идеологии – социализм и капитализм. Социализм как идеология не ставил под вопрос универсализм западноевропейской культуры и представлял собой социо-культурную и политическую традицию, уходящую корнями в европейское Просвещение. В определенном смысле, капитализм и социализм конкурировали между собой как две версии Просвещения, две версии прогресса, две версии универсализма, две версии западноевропейской социально-политической мысли.

Социализм и марксизм вошли в резонанс с определенными параметрами «цивилизации Суши» и поэтому победили не там, где предполагал Маркс, а там, где он эту возможность исключал – в аграрной стране с преобладающим укладом традиционного общества и имперской организацией политического пространства. Другой случай (самостоятельной) победы социализма – Китай – представлял собой также аграрное, традиционное общество.

Многополярность оппонирует однополярности не с позиции одной идеологии, которая могла бы претендовать на второй полюс, но с позиции многих идеологий, многих культур, мировоззрений и религий, которые (каждая -- по своим причинам) не имеют ничего общего с западным либеральным капитализмом. В ситуации, когда Море имеет единое идеологическое выражение (правда, все более уходящее в сферу подразумеваний, а не открытых деклараций), а сама Суша не имеет такового, представляя собой несколько различных мировоззренческих и цивилизационных ансамблей, многополярность предлагает создание *единого фронта Суши против Моря*

Многополярность отличается и от консервативного проекта сохранения и укрепления национальных государств. С одной стороны, национальные государства в колониальную и в постколониальную эпохи отражают в своих структурах западноевропейское понимание нормативного политического устройства (игнорирующего религиозные, социальные, этнические, культурные особенности конкретных обществ), то есть сами нации частично являются продуктами глобализации. А с другой стороны,

из двухсот пятидесяти шести стран, официально числящихся сегодня в списке ООН, только незначительная часть способна при необходимости отстоять свой суверенитет самостоятельно, не входя в блок или альянс с другими странами. Это значит, что не каждое номинально суверенное государство можно считать полюсом, так как степень стратегической свободы у подавляющего большинства из признанных стран ничтожна. Поэтому укрепление Вестфальской системы, которая по инерции существует и сегодня, не является задачей многополярности.

Многополярность, будучи противоположностью однополярности, не призывает ни к возврату к двухполюсному миру на идеологической основе, ни к закреплению порядка национальных государств, ни к простому сохранению статус кво. Все эти стратегии будут играть только на руку центрам глобализации и однополярности, так как у них есть проект, план, цель и рациональный маршрут движения в будущее, а все перечисленные сценарии в лучшем случае являются призывом к замедлению процесса глобализации, а в худшем (например, проект восстановления двуполярности на идеологической основе) выглядят как ностальгия или безответственные фантазии.

Многополярность – это вектор геополитики Суши, обращенный в будущее. Он основывается на социологической парадигме, чья состоятельность исторически доказана в прошлом, реалистично учитывает сложившееся в современном мире положение дел и основные тенденции и силовые линии его вероятных трансформаций. Но многополярность выстраивается как проект, как план того миропорядка, который только еще предстоит создать.

Неразработанность теории многополярности

Несмотря на то, что термин «многополярность» в последнее время довольно часто употребляется в политических и международных дискуссиях, его значение довольно размыто и неконкретно. Различные политические круги и отдельные аналитики вкладывают в него разный смысл. Основательные исследования и солидные научные монографии, посвященные многополярности, можно пересчитать по пальцам². Даже серьезные статьи на эту тему довольно редки³. Причина этого вполне понятна: параметры нормативного политического

² Murray D., Brown D. (eds.) *Multipolarity in the 21st Century. A New World Order*. Abingdon, UK: Routledge, 2010; Ambrosio Th. *Challenging America global Preeminence: Russian Quest for Multipolarity*. Chippenheim, Wiltshire: Anthony Rose, 2005; Peral L. (ed.) *Global Security in a Multi-polar World*. Chaillot

³ Turner Susan. *Russia, China and the Multipolar World Order: the danger in the undefined// Asian Perspective*. 2009. Vol. 33, No. 1. С. 159-184; Higgott Richard *Multi-Polarity and Trans-Atlantic Relations: Normative Aspirations and Practical Limits of EU Foreign Policy*. – www.garnet-eu.org. 2010. [Электронный ресурс] URL: http://www.garnet-eu.org/fileadmin/documents/working_papers/7610.pdf (дата обращения 28.08.2010); Katz M. *Primakov Redux. Putin's Pursuit of «Multipolarism» in Asia//Demokratizatsya*. 2006. vol.14 № 4. С.144-152.

и идеологического дискурса в глобальном масштабе сегодня задают США и страны Запада и по этим правилам можно обсуждать все, что угодно, но только не наиболее острые и болезненные вопросы. Даже те, кто считают, что однополярность была лишь «моментом⁴» в 1990-е годы и сейчас происходит переход к новой неопределенной модели, готовы обсуждать любые версии, но только не «многополярную». Так, например, современный глава CFR Ричард Хаас говорит о «неполярности» (*Non-Polarity*), имея в виду такую стадию глобализации, где потребность в наличии жесткого центра отпадет сама собой⁵. Подобные ухищрения объясняются тем, что одной из задач глобализации является, как мы видели, маргинализация «цивилизации Суши». А поскольку многополярность может быть только формой активной стратегии «цивилизации Суши» в новых условиях, то обращение к ней в общем глобальном контексте Западом, задающим тон в структуре политического анализа, не приветствуется. Тем более не следует ожидать, что конвенциональные идеологи Запада возьмутся за разработку *теории многополярности*.

Логично было бы предположить, что теория многополярности будет выстраиваться в тех странах, которые открыто провозглашают ориентацию на многополярный мир как основной вектор своей внешней политики. К числу таких стран относятся Россия, Китай, Индия и некоторые другие. Кроме того, обращение к многополярности можно встретить в текстах и документах некоторых европейских политических деятелей (например, бывшего министра иностранных дел Франции Юбер Видрин⁶). Но в данный момент и в этой области мы едва ли можем найти нечто большее, чем материалы нескольких симпозиумов и конференций с довольно смутными формулировками. Приходится констатировать, что тема многополярности должным образом не осмысливается и в тех странах, которые ее провозглашают в качестве своей стратегической цели, не говоря уже об отсутствии внятной и цельной «теории многополярности».

Тем не менее на основании геополитического метода с позиции «цивилизации Суши» и с учетом анализа явления глобализма, вполне можно сформулировать некоторые безусловные принципы, которые должны лечь в основание теории многополярности, когда дело дойдет до ее более систематизированной и развернутой разработки.

⁴ Krauthammer Ch. The Unipolar Moment// Foreign Affairs. 1990 / 1991 Winter. Vol. 70, No 1. С. 23-33.

⁵ Haass R. The Age of Non-polarity: What will follow US Dominance?//Foreign Affairs.2008. 87 (3). С. 44-56.

⁶ Déclaration de M. Hubert Védrine, ministre des affaires étrangères sur la reprise d'une dialogue approfondie entre la France et l'Inde: les enjeux de la résistance a l'uniformisation culturelle et aux excès du monde unipolaire. New Delhi - 1 lesdiscours.vie-publique.fr. 7.02.2000. [Электронный ресурс] URL: <http://lesdiscours.vie-publique.fr/pdf/003000733.pdf>

Многополярность: геополитика и мета-идеология

Наметим теоретические источники, на основании которых должна строиться полноценная теория многополярности.

Основой этой теории в актуальных условиях может быть только геополитика. Никакая религиозная, экономическая, политическая, социальная, культурная или экономическая идеология не способна в данный момент сплотить критическую массу стран и обществ, относящихся к «цивилизации Суши» в единый планетарный фронт, необходимый для того, чтобы составить серьезную и эффективную антитезу глобализму и однополярного миру. В этом и состоит специфика исторического момента («момента однополярности»⁷): у доминирующей идеологии (глобального либерализма/постлиберализма) нет симметричной оппозиции на ее собственном уровне. Поэтому надо обратиться к геополитике напрямую, взяв принцип Суши, Land Power вместо *оппонирующей идеологии*. Это возможно лишь в том случае, если в полной мере будут осознаны социологическое, философское и цивилизационное измерение геополитики.

Для доказательства этого утверждения нам послужит «цивилизация Моря». Мы видели, что *матрица* этой цивилизации встречается не только в Новое время, но и в талассократических империях древности, например, в Карфагене, античных Афинах или Венецианской республике. В рамках самого современного мира атлантизм и либерализм обретают полное превосходство над другими тенденциями далеко не сразу. Мы можем проследить определенную концептуальную последовательность: как «цивилизация Моря» (как геополитическая категория) движется сквозь историю, через серию социальных формаций, принимая разные формы, пока не находит своего наиболее законченного и совершенного выражения в идее глобального мира, где ее внутренние установки становятся доминирующими в планетарном масштабе. *Идеология современного мондиализма есть только историческая форма более общей геополитической парадигмы.* И между этой (возможно, наиболее совершенной) формой и геополитической матрицей существует прямая связь.

В случае «цивилизации Суши» аналогичной симметрии не существует. Идеология коммунизма лишь частично (за счет героизма, коллективизма и антилиберализма) резонировала с геополитическими установками «сухопутного» общества, да и то только в случае евразийского СССР и в меньшей степени Китая, так как другие аспекты этой идеологии (прогрессизм, техника, материализм) плохо вписывались в структуру ценностей «цивилизации Суши». И сегодня даже в теории коммунизм не может вы-

⁷ Turner Susan. Russia, China and the Multipolar World Order: the danger in the undefined// Asian PerspeKrauthammer Ch. The Unipolar Moment. Op.cit.

полнять той мобилизующей идеологической функции, которую он выполнял в XX веке в планетарном масштабе. С идеологической точки зрения Суша действительно расколота на фрагменты, и в ближайшее время едва ли мы можем ожидать появления какой-то новой идеологии, способной симметрично противостоять либеральному глобализму.

Но сам геополитический принцип Суши ничего не утрачивает в своей парадигмальной структуре. Именно он и должен быть взят в качестве фундамента для построения теории многополярности. Эта теория должна обращаться напрямую к геополитике, черпать из нее принципы, идеи, методы и термины. Это позволит иначе отнестись и к широкому спектру существующих неглобалистских и контр-глобалистских идеологий, религий, культур и социальных течений. Им совершенно не обязательно трансформироваться в нечто единое и систематизированное. Они вполне могут оставаться локальными или региональными, но быть интегрированными в общий фронт противостояния глобализации и доминанции «цивилизации Запада» на метаидеологическом уровне, на уровне парадигмы «геополитики-2». И этот момент множественности идеологий заложен уже в самом термине «много-полярность» – и не только в рамках стратегического пространства, но и в области пространства идеологического, культурного, религиозного, социального, экономического).

Многополярность есть не что иное, как продолжение «геополитики-2» («геополитики Суши») в новую среду, характеризующую наступлением глобализма (как атлантизма) на качественно новом уровне и в качественно новых пропорциях. Никакого другого смысла у многополярности просто не может быть.

Геополитика Суши и ее основные вектора, спроецированные на современные условия, является осью многополярной теории, на которую нанизываются все остальные аспекты этой теории. Эти аспекты составляют философскую, социологическую, ценностную, экономическую, этическую стороны этой теории. Но все они так или иначе сопряжены с осознанной в углубленно социологическом ключе структурой «цивилизации Суши» и с прямым смыслом самого понятия «многополярности», которое отсылает нас к принципам плюральности, множественности, неуниверсальности, дифференцированности.

Неоевразийство как мировоззрение

Ближе всего к теории многополярности располагается *неоевразийство*. Это направление уходит корнями в геополитику и оперирует преимущественно с формулой «Россия-Евразия» (как Heartland), но вместе с тем разрабатывает широкий спектр мировоззренческих, фило-

софских, социологических и политологических направлений, а не ограничивается только геостратегией и прикладным анализом.

Содержание термина «неоевразийство» можно проиллюстрировать фрагментами Манифеста Международного «Евразийского Движения» «Евразийская миссия»⁸. Его авторы выделяют в неоевразийстве пять уровней, которые позволяют по-разному трактовать его в зависимости от конкретного контекста.

Первый уровень: *евразийство есть мировоззрение.*

Согласно авторам Манифеста, термин «евразийство» «применяется к определенному мировоззрению, определенной политической философии, в оригинальной манере сочетающей в себе традицию, современность и даже элементы постмодерна. Философия евразийства исходит из приоритета ценности традиционного общества, признает императив технической и социальной модернизации (но без отрыва от культурных корней) и стремится адаптировать свою идейную программу к ситуации постиндустриального, информационного общества, называемого «постмодерном».

В постмодерне снимается формальное противопоставление между традицией и современностью. Однако постмодернизм атлантистского типа уравнивает их с позиции безразличия и исчерпанности содержания. Евразийский постмодерн, напротив, видит возможность альянса традиции с современностью как созидательный оптимистический энергичный импульс, побуждающий к творчеству и развитию.

В евразийской философии легитимное место получают реальности, вытесненные эпохой Просвещения – религия, этнос, империя, культ, предание и т.д. В то же время из модерна берется технологический рывок, экономическое развитие, социальная справедливость, освобождение труда и т.д. Противоположности преодолеваются, сливаясь в единую гармоничную и оригинальную теорию, пробуждающую свежие мысли и новые решения для вечных проблем человечества.

Философия евразийства – открытая философия, любые формы догматизма ей чужды. Она может пополняться многообразными течениями -- историей религий, социологическими и этнологическими открытиями, геополитикой, экономикой, страноведением, культурологией, разнообразными видами стратегических и политологических исследований и т.д. Более того, евразийство как философия предполагает оригинальное развитие в каждом конкретном культурном и языковом контексте: евразийство русских будет с неизбежностью отличаться от евразийства французов или немцев, евразийство турок от евразийства иранцев; евразийство

⁸ Евразийская миссия. Манифест Международного «Евразийского Движения». М.: Международное Евразийское Движение, 2005.

арабов от евразийства китайцев и т.д. При этом основные силовые линии этой философии в целом будут сохраняться неизменными. (...)

Основными реперными точками евразийской философии можно назвать следующие пункты:

- дифференциализм, плюрализм ценностных систем против всеобщезательной доминации какой-то одной идеологии (в нашем случае и в первую очередь американской либерал-демократии);
- традиционализм против уничтожения культур, догматов и обрядов традиционных обществ;
- «государство-мир», «государство-континент» против как буржуазных национальных государств, так и «мирового правительства»;
- «права народов» против всемогущества «золотого миллиарда» и не-околонимальной гегемонии «богатого Севера»;
- этнос как ценность и субъект истории против обезличивания народов и отчуждения их в искусственных социально-политических конструкциях;
- социальная справедливость и солидарность людей труда против эксплуатации, логики грубой наживы и унижения человека человеком».⁹

Неоевразийство как планетарный тренд

На втором уровне: *неоевразийство есть планетарный тренд*. Авторы Манифеста поясняют:

«Евразийство на уровне планетарного тренда - это глобальный, революционный, цивилизационный концепт, который, постепенно уточняясь, призван стать новой мировоззренческой платформой взаимопонимания и сотрудничества для широкого конгломерата различных сил, государств, народов, культур и конфессий, отказывающихся от атлантической глобализации.

Стоит внимательно прочесть заявления самых разнообразных сил во всём мире: политиков, философов, интеллектуалов, и мы удостоверимся, что евразийцы составляют подавляющее большинство. Менталитет многих народов, обществ, конфессий и государств, хотя они сами об этом могут не подозревать, евразийский.

Если подумать об этом множестве различных культур, религий, конфессий и стран, не согласных с «концом истории», навязываемом нам атлантизмом, бодрость нашего духа возрастет, а серьезность рисков реализации американской концепции стратегической безопасности XXI века, связанной с установлением однополярного мира, резко увеличится.

Евразийство есть совокупность всех естественных и искусственных,

⁹ Там же .

объективных и субъективных препятствий на пути однополярной глобализации, причем возведенных от простого отрицания к позитивному проекту, к созидательной альтернативе. Пока эти препятствия существуют разрозненно и хаотически, глобалисты справляются с ними по отдельности. Но стоит их интегрировать, сплотить в некое единое, последовательное мировоззрение планетарного характера, шансы на победу евразийства во всем мире будут весьма серьезными».¹⁰

Неоевразийство как интеграционный проект

На следующем уровне неоевразийство трактуется как *проект стратегической интеграции евразийского материка*:

«Понятие «Старый Свет», которым обычно обозначается Европа, можно рассмотреть гораздо шире. Это гигантское мультицивилизационное пространство, населенное народами, государствами, культурами, этносами и конфессиями, связанными между собой исторически и пространственно общностью диалектической судьбы. Старый Свет – это продукт органического развития человеческой истории.

Старый Свет обычно противопоставляется Новому Свету, т.е. американскому матерiku, открытому европейцами и ставшему платформой построения искусственной цивилизации, в которой воплотились европейские проекты модерна, эпохи Просвещения. (...)

В XX веке Европа осознала свою самобытную сущность, и постепенно двигалась к интеграции всех европейских государств в единый Союз, способный обеспечить всему этому пространству суверенность, независимость, безопасность и свободу.

Создание Евросоюза было величайшей вехой в деле возвращения Европы в историю. Это было ответом «старого Света» на непомерные претензии «нового». Если рассматривать альянс США и Западной Европы – с доминанцией США – как атлантический вектор европейского развития, то интеграцию самих европейских держав с преобладанием континентальных стран (Франция-Германия) можно считать евразийством применительно к Европе.

Особенно это становится наглядным, если учесть теории о том, что Европа геополитически простирается от Атлантики до Урала (Ш.де Голль) или до Владивостока. Иными словами, бескрайние пространства России также полноценно включаются в поле Старого Света, подлежащего интеграции.

(...) Евразийство в этом контексте может быть определено как проект стратегической, геополитической, экономической интеграции севера евразийского материка, осознанного как колыбель европейской исто-

¹⁰ Там же.

рии, матрица народов и культур, тесно переплетенных между собой.

А поскольку сама Россия (как, впрочем, и предки многих европейцев) в значительной степени связана с тюркским, монгольским миром, с кавказскими народами, то через Россию и параллельно через Турцию интегрирующаяся Европа как Старый Свет в полной мере приобретает евразийское измерение – и в данном случае не только в символическом, но и в географическом смысле. Здесь можно синонимически отождествить евразийство с континентализмом.¹¹»

Эти три наиболее общие определения неоевразийства показывают, что здесь мы имеем дело с предварительным основанием для построения теории многополярности. Это сухопутный взгляд на самые острые вызовы современности и попытка дать на них выверенный, учитывающий геополитические, цивилизационные, социологические, исторические и философские закономерности, ответ.

¹¹ Там же.

Наступление многополярности

Иммануил Валлерстайн

Ранее, в 2003 г. разговоры об упадке США могли показаться абсурдными. Но сейчас, похоже, подобное мнение стало общей тенденцией среди теоретиков, политиков и СМИ. Что существенно повлияло на рост осознания этой концепции, это, конечно же, фиаско превентивного вторжения США в Ирак. Что еще не достаточно оценено, так это точная природа этого упадка и когда именно он начался.

Большинство аналитиков утверждает, что США были на вершине своей гегемонии после 1991 г., когда мир стал однополярным, что противопоставлялось биполярной структуре времен Холодной войны. Но это понятие в действительности имеет совершенно другой смысл. США были единственной сверхдержавой с 1945 г. примерно до 1970 г. С тех пор их гегемония стала клониться к упадку. Распад СССР был наиболее сильным ударом по могуществу США в мире. А вторжение в Ирак в 2003 г. изменило ситуацию с тенденции постепенного упадка к резкому коллапсу. К 2007 г. США потеряли свою убедительность не только в качестве экономического и политического лидера мир-системы, но также и в лице основной военной силы.

Я отдаю себе отчет, что это не является стандартной точкой зрения в масс-медиа и научной литературе, однако я хотел бы объяснить это подробней. Я разделю это на три периода: 1945-1970 гг., 1970-2001 гг. и с 2001 г. по настоящее время. Они связаны с периодом американской гегемонии, далее постепенным упадком США, давшим возможность появлению блуждающей многополярности, и затем резкому упадку и эффективной многополярности в период инаугурации Дж. Буша на пост президента США.

Неоспоримая гегемония

США были увеличивающей влияние силой с 1870 г, когда включились в соперничество с Германией, претендуя на преемственность власти-гегемона ослабевающей Британской Империи. Мировые войны нужно рассматривать как непрерывную 30-летнюю войну в которой принципиальными протагонистами были США и Германия. С этой точки зрения безоговорочная капитуляция Германии в 1945 г. являлась очевидной победой США. Необходимая военная помощь СССР более не имела значения, также как и в случае 1815 г., когда Великобритания просила о военной помощи у России для достижения своей недвусмысленной победы над Францией и своего гегемонистского положения.

Эта 30-летняя война была слишком разрушительной для инфраструктуры ее участников. В 1945 г. США были единственной основной промышленной силой, которая не пострадала от прямых атак на свое техническое оборудование. В 1945 г. США были наиболее продуктивным и эффективным производителем в мировой экономике, учитывая, что были еще и вне конкуренции со всеми остальными странами даже на своем внутреннем рынке.

В экономике США установили неоспоримую гегемонию. Она создала определенные типы международных структур, которые самым лучшим образом работали на ее нужды, включая политическую зависимость от США Западной Европы и Японии. В то время как вооруженные силы были частично сокращены, США имели ядерную монополию и ВВС, с помощью которых они могли доставить эти ядерные бомбы в любую точку мира. В то же время Нью-Йорк стал культурной столицей мира в сфере практически всей артистической деятельности и литературы, сместив Париж.

Конечно, Советский Союз бросал вызов США, он имел очень мощную военную структуру и хотел быть таким же равноценным США, распространяя свое влияние на другие страны. С другой стороны, имея столь разрушительные последствия Второй мировой войны, СССР не хотел идти на военную конфронтацию с США. Так что эти страны заключили соглашение, которые символически названы ялтинскими. Соглашение имело три пункта. Во-первых, мир разделялся на два лагеря, границы которого были определены местоположением армий в 1945 г.: СССР контролировал одну треть мира, а США две трети. Договоренность также заключалась в том, что обе силы сохраняют военное статус-кво, а границы останутся неизменными.

Второй пункт относился к экономике. США было необходимо помочь перестроить значительные зоны мир-экономики, чтобы обеспечить политическую лояльность государств и создать рынки для экспорта. Но США не видели выгоды в реконструкции СССР или его новых союзников в Восточной и Центральной Европе. Так что страны согласились, что два блока в экономическом плане будут содержать себя сами. СССР создал Совет экономической взаимопомощи для обеспечения своей зоны, тогда как США заключили многочисленные экономические и финансовые соглашения со своими союзниками.

Третье. Обе стороны создали сильные и постоянные военные союзы. США полагались на НАТО и оборонный договор с Японией, а СССР создал Варшавский договор. Целью этих военных альянсов являлось скорее не их применение друг против друга, а возможность ответных действий в случае необходимости. Это также обеспечивало общую субординацию их

так называемых союзников по отношению к политическим решениям Москвы или Вашингтона. Также неотъемлемой частью этого третьего пункта было то, что обе стороны могли устраивать довольно громкие перебранки, не переходя к реальным действиям друг против друга, гарантируя, что союзники не будут уклоняться от генеральной линии.

Эта сделка была довольно прочной во времена Холодной войны, и между СССР и США не было военных действий. Конечно же, были мини-кризисы – блокада Берлина, Корейская война, Второй кризис Тайваньского пролива, Венгрия в 1956 г., Кубинский кризис, Чехословакия в 1968 г. и Афганистан в 1980 г. Но все они заканчивались тем же статус-кво. И действительно, границы двух блоков оставались без изменений до 1989 г. Стрельба, конечно же, никогда не прекращалась, хотя она могла быть усилена или смягчена в зависимости от обстоятельств. И в конце концов это была лишь только стрельба. Таким же образом две экономические зоны были отделены друг от друга до 1970-х гг., после чего началось медленное вхождение «социалистического» блока в торговые и финансовые потоки капиталистической мир-экономики.

Мы можем назвать этот период с 1945 по 1970 гг. эрой неоспоримой гегемонии США, так как США могли получить 95% того, чего они хотели в течении 95% этого времени по всем жизненно важным вопросам. Однако в этой работе было две существенных ошибки. Первая состояла в том, что США настолько преуспели, помогая Западной Европе и Японии в их восстановлении, что к середине 1960-х гг. эти страны достигли реального экономического паритета с США, что подтверждалось двумя простыми фактами. Во-первых, в 1960-е гг. американская продукция больше уже не могла конкурировать с европейской и японской. В действительности, произошла смена позиций. Западноевропейские и японские производители начинали проникать на американский рынок. Во-вторых, остальной мир стал ареной прямого соперничества между производителями со всех трех зон Богатого Севера. США больше не имели каких-либо особенных преимуществ перед своими союзниками и это развитие имело значительные политические последствия.

Вторая потенциальная ошибка заключалась в подходе к развивающемуся миру. Сделка СССР и США была выгодна обеим сторонам, но она была менее благодатна для стран развивающегося мира. В результате более вооруженные движения этого мира просто навсего отстаивали свои интересы. И к концу этого первого периода стало ясно, что ни США, ни Советский Союз не замедляли рост национально-освободительных движений в развивающемся мире.

Мировые революции 1968 г. ознаменовали решительный сдвиг мир-системы как для мощи СССР, так и США. Множество революций про-

изошло между 1966 и 1970 гг. и они имели две характеристики. С одной стороны, они денонсировали гегемонию США так же, как и советское согласие с этой гегемонией, которым и являлась ялтинская сделка. Но они также денонсировали традиционные антисистемные движения, которые стали называться Старыми Левыми.

Старые Левые состояли из трех компонентов – коммунистических партий, социал-демократических партий и национально-освободительных движений. Все эти три компонента следовали стратегии двух шагов: вначале захватить государственную власть, а затем изменить мир. В период с 1945 по 1968 гг. эта стратегия подверглась суровому испытанию. В это время неоспоримой гегемонии США все три варианта антисистемных движений, составлявших Старых Левых, двигались наверх к государственной власти практически во всех странах. В СССР Компартия была правящей, во всей Европе тоже у власти были социал-демократы, в Британии победили лейбористы, а в США - новое соглашение демократов. Безусловно, это была «альтернативная» сила, но она заменяла консервативные партии и все они связывали свою деятельность с ключевым понятием социал-демократической политики: государством благосостояния.

Революционеры 1968 г. сконцентрировались на втором шаге – изменении мира – и они думали, что Старые Левые желают того же. Те, кто восстал в 1968 г., денонсировали Старых Левых как часть проблемы, которую они пытались решить. Такой подход привел к разочарованию в концепции девелопментализма, которая утверждалась в качестве универсального средства на пути к равенству. Язык был разным в США, СССР и странах развивающегося мира, но сущность была одинаковой. Девелопментализм был тезисом, согласно которому все государства могли «развиваться» и иметь высокий уровень жизни при условии, что будут институализированы соответствующие государственные действия, которые позволят запустить процесс развития. И особые рекомендации США и Советского Союза в принципе, не были различными: укрепление городского сектора, распространение образования, применение благоразумного протекционизма, механизация производства и перенятие паттернов государства-лидера. Проблема была в том, что это предписание не работало.

Постепенный упадок

Власть имущим в США стало предельно ясно, что ситуация после 70-х гг. стала другой, и лидерство было подкорректировано. Основной целью всех президентских режимов от Никсона до Клинтона было замедление структурного упадка мощи США и их авторитета в мир-

системе. Они разработали программу для достижения этой цели, которая трижды продлевалась.

Первым шагом для США было удерживание Западной Европы и Японии от ощущения того, что их экономическое укрепление позволит им усомниться в «лидерстве» США и заняться проведением курса в мировой политике, отличным от США. Решение состояло в том, что США предложили Западной Европе и Японии быть уже не сателлитами, а партнерами в деле внедрения общей мировой политики. Это партнерство было институализировано в различных формах – Трехсторонней комиссии, Большой Семерке, Мировом экономическом форуме в Давосе – и сегодня продолжается в том, что мы ретроспективно называем «многосторонностью». Эта стратегия работала до определенной степени: европейцы и даже японцы заблуждались, но не на столько. В Европе построили газопровод с СССР против воли США, кроме того, там решили создать европейские силы обороны. Но под давлением США они определили эти силы как элемент в структуре НАТО. В основном, говоря о времени до 2000 г., нельзя сказать, что Европа и Япония разорвали отношения с США хоть по какому-либо фундаментальному вопросу.

Вторая корректировка являлась военной. Монополия США в ядерном оружии была оспорена сначала СССР, а затем Францией и Китаем. Пять постоянных членов Совета Безопасности ООН в 1970 г. обладали ядерным оружием, но США и СССР определяли это оружие в качестве «баланса запугивания» (говорилось, что оно не будет применяться кроме оборонительных целей). Однако эти пять сил были не единственными, кто обладал ядерными программами, были и другие страны, которые к 1970 г. шли по этому пути. США четко видели, что распространение ядерного оружия может представлять серьезную угрозу их военному могуществу, т.к. всего несколько ядерных зарядов в руках у средней страны было бы достаточно для включения этой страны в «баланс запугивания» и подрыва военных возможностей США.

Попытки США остановить ядерное распространение были частично успешными. Три страны отказались подписать договор о нераспространении – Индия, Пакистан и Израиль и, конечно же, все три обзавелись им. Но было и много успешных действий – как минимум Бразилия, Аргентина, Швеция, Египет, Южная Корея, Тайвань, а возможно и Германия с Японией, закрыли свои программы. К 2000 г. США расширили свою программу нераспространения.

Третья сфера была экономической. Около 1970 г. мир-экономика вступила в длинную фазу, во время которой уровень прибыли от производительной деятельности падал, безработица росла, а глобальная поляризация усиливалась. Легкая прибыль *trentes glorieuses* (как французы

называли предыдущий период) закончилась. Среди Триады (как называли США, Западную Европу и Японию) с 1970 г. началась конкуренция, так как все три хотели минимизировать убытки для своих экономических зон. Они вовлеклись в процесс экспорта безработицы в другие страны и стали извлекать прибыль не из производства, а из финансовых спекуляций.

Помимо этого, США, Европа и Япония не могли более позволить себе поддержку «девелопментализма». Они нуждались в обеспечении огромного потока капитала из Третьего мира в Богатый Север. В результате родилась новая идеология – неолиберализм, справедливо названная «глобализацией». Установленная норма предполагала, что не существует никакой альтернативы, кроме открытия границ развивающегося мира для экорта с Севера и свободного потока капитала обратно на Север.

Так как экономический упадок 1970-х гг. повлиял на баланс платежей государств Юга, вынудив их искать займы на мировом рынке, МВФ направился туда со своими займами и программой под названием «структурное регулирование», которые соответствовали новой идеологии Вашингтонского Консенсуса. Чтобы этого достичь, нужен был завершающий штрих – новосозданная Всемирная Торговая Организация, запрограммированная на серию действий, которые лишали страны Юга права на сохранение за собой этих новых практик – все во имя продвижения свободной торговли. И эта политика была довольно успешной. США получили множество экономических преимуществ в 90-е годы. Одна страна за другой, не только в развивающемся мире, но также и в социалистическом блоке, поддавалась этому давлению. Язык девелопментализма улетучился и был заменен жаргоном глобализации – в СМИ, академическом дискурсе и, помимо всего, среди политиков бывших левоцентристских партий.

Конечно же, в этот период были и проблемы – например, распад Советского Союза и тот факт, что неолиберализм не оплачивал счета стран Юга. Распад СССР был неожиданным и, по правде, нежелательным для США. Устранение СССР как структуры означало потерю символического оппонента, что обеспечивало единство политического альянса под руководством США. Более не было гипотетического врага, против которого объединялись страны союзники и население внутри них. Кроме того, исчезновение СССР означало конец многолетнего партнерства, основанного на сговоре двух стран – более не было противника в лице большого брата, чтобы придерживать (или, как минимум, пытаться придерживать) под контролем союзников из Третьего мира.

Не имея возможности остановить распад Советского Союза, США извлекли максимальную выгоду из этого события, провозгласив «побе-

ду» в Холодной войне. Но с геополитической точки зрения, это была бесполезная победа. Первым видимым последствием было вторжение Саддама Хусейна в Кувейт. Без СССР, который мог бы возратить его на твердую землю, обосновывая, что он нарушает «баланс запугивания» между СССР и США, у Хусейна не было весомых причин не нападать.

Конечно, как только Ирак вторгся в Кувейт, это имплицитно укрепило Саудовскую Аравию, а США почувствовали, что пора действовать. По факту, они действовали довольно быстро, собрав огромную военную коалицию с четырьмя странами (Германия, Япония, Саудовская Аравия и Кувейт), которые обеспечивали приличное финансирование операции, сведя затраты США к минимуму. Хусейн и его режим выжил, что явилось напоминанием о пределах реального могущества США.

В то же время демонтированный «социалистический» блок так же как и множество бывших развивающихся государств в Азии, Африке и Латинской Америке столкнулись с глобализацией и связанными с нею реформами. Однако, цели, якобы предполагаемые глобализацией, не были достигнуты в универсальном масштабе. Кроме того, она длилась только до тех пор, пока граждане развивающегося мира не поняли, что неолиберализм настолько же ошибочен, как и девелопментализм, если исходить из тех показателей всемирного равенства, которых достиг неолиберализм.

К середине 90-х гг. волна начала возвращаться. 1 января 1994 г., когда в силу вступило Генеральное соглашение по тарифам и торговле, сапатисты возглавили восстание в Чиapas, беднейшем регионе Мексики. Они требовали эффективной автономии для индейского народонаселения региона и предполагали привлечь к своей борьбе всех за равенство в области социальной жизни. Они добились поддержки со всего мира, которое превратило их в икону для народа Бедного Юга.

За этим событием последовала конфронтация в Сиэтле в 1999 г. во время конференции ВТО, где присутствовали люди со всего мира, но в основном с США, и они довольно эффективно остановили работу конференции. Наиболее неожиданным аспектом этой демонстрации было то, что в ее процессе шло объединение трех различных групп, которые до этого были значительно дистанцированы друг от друга – это профсоюзы, экологи и анархисты.

Действительно, акция в Сиэтле имела такой политический успех, что серия подобных демонстраций по всему миру последовала за ней, где бы и когда бы ни проходили встречи пикетируемых организаций. А эти организации в качестве ответных мер стали подбирать для своих встреч страны, для въезда в которую нужна сложная визовая процедура, чреватая отказом, или места, куда довольно сложно попасть.

Эра одностороннего выпендрежа

В 2001 г. Джордж Буш стал президентом США, окруженный советниками и политиками из неоконсервативных кругов. Анализ этих персон показал, что США и впрямь находятся в упадке. Однако, по их мнению, это было связано не со структурным давлением изнутри мир-системы, а с неадекватным лидерством предыдущих президентских администраций от Никсона до Клинтона (включая Рейгана). Их гипотеза предполагала, что одностороннее вторжение в Ирак окончательно продемонстрирует военную мощь США, тщетность политической независимости для Японии и Западной Европы, угрожающее предупреждение для любых государств-изгоев помышлять о приобретении ядерного оружия, а также настойчивый сигнал умеренным арабским режимам поддержать полномочия Израиля в вопросе вечного палестино-израильского диспута. Короче говоря, они верили, что этот механизм работает.

Террористические атаки Аль-Каеды 11 сентября 2001 г. предоставили необходимые обоснования для запуска этой программы. Президент Джордж Буш взял на себя обязанности президента в военное время и, несмотря на оппозицию со стороны традиционных союзников и сопротивление со стороны военных и разведывательных кругов, объявил о вторжении в Ирак. Через несколько недель после начала операции Буш объявил о победе. Однако война только начиналась и ситуация довольно быстро ухудшилась как в военном, так и в политическом отношении. К 2007 г. для большинства людей, включая граждан США, стало ясно, что война проиграна.

Весь анализ неоконсерваторов оказался неверным. Достичь победы в войне было нелегко. Союзники не были запуганы и не отказались от стремления к независимости. Северная Корея и Иран ускорили свои ядерные программы, полагая что причиной столь легкого вторжения для США было отсутствие у Ирака ядерного оружия. Арабские режимы радикально не изменили свою позицию по отношению к Израилю. Короче говоря, все предприятие потерпело фиаско.

Но наиболее важными последствиями этой односторонности была демонстрация ряда ограничений военной силы США, которая оказалась непригодной для применения. Военная сила в основном считается неэффективной, когда государство не может отправить достаточное количество наземных войск для наведения порядка на завоеванной территории, что и было в случае вторжения США в Ирак. Всякий раз, когда государство применяет военную силу, все, что меньше ошеломляющей победы, снижает реальную военную мощь государства. Поэтому в 2007 г. стало общей тенденцией говорить об упадке США. Многие в Америке чувствуют, что решение этой дилеммы состоит в возвращении к про-

грамме «многосторонности» 70-х, 80-х и 90-х гг. Однако Буш не сделал этого. Никто не был более готов признавать за США роль неоспоримого лидера мир-системы, даже если США будет исповедовать многосторонность. Реальность все еще заключается в том, что США утратили свою позицию мощной силы в мультиполярном мире. Это определило снижение их влияния, так как мир двинулся в направлении новой геополитической ситуации.

Авантюризм администрации Буша превратил медленное угасание США в быстрый упадок. Экономическая, политическая и идеологическая позиция США уже была незначительной в 2001 г. Единственное преимущество США состояло в сохранении непропорциональных военных возможностей и это являлось той силой, на которую опирался вице-президент Дик Чейни, бывший министр обороны Дональд Рамфелд и неоконсервативные политики. Но они допустили две фундаментальных ошибки.

Первая заключалась в том, что задействование ВВС и войск особого назначения было успешным для того, чтобы войска врага отступили, но они не смогли довести войну до завершения. Для этого необходимо было задействовать сухопутные силы против народного сопротивления, которое представляло собой огромную наземную армию. Но у США нет и не будет достаточно больших сухопутных войск, в основном по политическим причинам. Американское общество готово аплодировать военным победам, но оно не готово приносить в жертву своих детей. Вторжения, подобное иракскому, обречены на провал.

И это приводит к второй ошибке неоконсерваторов. Существуют опасения, что военная сила держится до тех пор, пока она успешна. Если нет ошеломляющей победы, то все остальное снижает эффективность, а военные затраты и продвинутое оборудование и техника становятся пугающим фактором мировой политики.

В 90-х гг. Госсекретарь Мадден Олбрайт в дискуссии с Колином Пауэллом и другими военными чинами, которые сопротивлялись продвигаемым ею инициативам, сказала: «Что за смысл иметь наиболее сильные вооруженные силы в мире если мы их никогда не применяем?» Ответ, как мы все можем сейчас убедиться, состоит в том, что в них вообще нет смысла.

К вопросу о методе геополитики в условиях многополярного мира

Желтов В.В., Желтов М.В.

Применительно к геополитике, вслед за французским геополитиком Фоансуа Тюалем, перефразируем формулу: «Нет фактов без теории, нет и теории без фактов» следующим образом: «Нет геополитики без метода, нети метода без геополитических фактов»¹.

С этой точки зрения первый принцип методологии геополитики заключается в том, что *международные элементы рассматриваются как феномены*. Это позволяет обратиться к феноменологии Э. Гуссерля².

Феноменология означает дескриптивный философский метод, открывающий возможность постигать именно сущность вещей, а не факты. Феноменология исследует и приводит в систему *априорное* в сознании, задавая тем самым основные понятия наукам.

Гуссерль исходит из того, что фундаментальными свойствами сознания является *интенционность*, т.е. своей нацеленностью на что-либо. На основе феноменологии открывается возможность оценить возникновение феноменов для того, чтобы лучше их понимать. Правда, интенционность, как одно из основных мест философии Гуссерлю, хорошо применима для анализа психических феноменов. И она характеризуются своей нацеленностью на что-либо.

Концепция интенционности - один из краеугольных камней феноменологии. При этом данная концепция оказывается плодотворной не только в психологии, она может использоваться и другими науками, в частности, геополитикой. И первоочередной момент геополитического метода заключается в том, чтобы *рассматривать международные феномены как выражением намерений (интенций)*. Геополитик призван отыскать *реальные намерения правителей*, например. Обратим внимание на то, что указанные намерения существуют поверх очевидностей и международных факторов.

Такая постановка вопроса является правомерной: геополитика изучает поведение государств или организованных групп. И это поведение проявляется в действиях, как мы сказали, – государств или организованных групп. *Изучение конечных целей поведения, т.е. намерений является той красной нитью, опираясь на которую можно осмысливать кризисы и конфликты, что дает возможность лучше понимать причины из возникновения и их побудителей.*

¹ Thual F. Méthodes de la géopolitique. Apprendre à déchiffrer l'actualité. P., 1996. P. 20.

² Гуссерль Эдмунд (1859 – 1938) – немецкий философ, основоположник феноменологической философии

Нужно сказать, что геополитика, будучи синтетической наукой, использует при проведении анализов возможности различных наук, опираясь на свои методы осмысления всех политических феноменов, всегда связанных с определенным соотношением сил, действующими в данное время и в данном пространстве.

Это позволяет геополитике не только оценивать, но и понимать поведение государств и народов, осмысливать, например, современный мир, сложившийся в итоге крушения СССР и мировой системы социализма, а также изменяющийся под нарастающим влиянием процессов глобализации. Геополитика позволяет также срывать покровы таинственности и мистики с событий, связанных с разного рода конфликтами, какими бы комплексными они ни были.

Не менее эффективными являются и возможности геополитики при осмыслении тех позиций, которые занимают в отношении важных геополитических проблем, разные государственные и политические деятели³.

Это так потому, что осмысление любого поведения, будь-то индивидуального или коллективного, связано с анализом намерений, которые, в свою очередь, соответствуют определенным пожеланиям, например, руководителей государств. В этом смысле геополитическое поведение может быть представлено двумя категориями.

Не вызывает сомнения тот факт, что геополитический подход можно свести к двум его выражениям:

- либо к воле по реализации амбиций;
- либо к воле по противостоянию определенной угрозе.

Сопоставляя намерения государств и их поведение по линии амбиции-угрозы, геополитик получает возможность выявить намерения того или иного государства. Это в полной мере применимо для классификации дипломатических, военных или иных действий по линии амбиции-угрозы. Плодотворность такого подхода хорошо видна на примере анализа межвоенной ситуации 1930-х гг.

В 1939 г. геополитическая поляризация Европы была достаточно простой: существовал фашистский блок, имевший экспансионистские претензии. Германия стремилась ревизовать мирный договор 1919 г. и создать империю, основанную на идеологии нацизма и пан-германизма. Эта империя стремилась к гегемонии в Центральной и Западной Европе, а также распространении ее на весь славянский мир. Италия, геополитические амбиции которой были более скромными, чем у Германии, стремилась обеспечить свой контроль над Средиземноморьем, частью Центральной Европы и Балканами, а также укрепить свои позиции в Африке, не забывая об отторжении части территории Франции (Ницца, Корсика, Савойя).

³ Cf. Nazet M. La géopolitique pour tous. Préface de Hubert Védrine. P., 2010. P. 36.

Для того, чтобы реализовать свои амбиции фашистский блок и его союзники руководствовались, как уже отмечалось, стремлением в большинстве случаев пересмотреть границы, определенные Версальским договором. Немецкое руководство понимало, что Германии предстоит противостоять дипломатически, с одной стороны, либеральным демократиям (Франция, Великобритания), а с другой – СССР.

Во многом особой в этот период была позиция Франции: в 1939 г. впервые в своей истории, начиная с XVI в., Франция могла оказаться в окружении нацистской Германии, фашистской Италии и франкистской Испании. Каждая из этих стран представляла серьезную угрозу для Франции. Попав в окружение указанных стран, Франция оказалась бы в изоляции от своих союзников в Центральной Европе. В это же время Великобритания, как известно, предпринимала активные усилия для того, чтобы не участвовать в войне.

В концентрированном выражении указанная нами проблематика дала о себе знать в Мюнхене⁴. Для того, чтобы понять смысл того, что произошло в Мюнхене, необходимо выявить и осмыслить геополитическое позиционирование акторов данного действия.

В Мюнхене Франция оказалась в одиночестве перед лицом фашистских государств. Действительно, ее союзник в лице Лондона не желал вступать в войну. СССР, который не был приглашен в Мюнхен, исходил из убеждения в том, что грядущая война будет войной между капиталистическими странами. А это в итоге может потом открыть путь для мировой революции.

Ключевой для понимания сути того, что произошло в Мюнхене, являлась, значит, позиция Великобритании. Политика этой страны в преддверии Второй мировой войны определялась тем, что страна стремилась прямо не вмешиваться в ситуацию, предпочитая идти на уступки экспансионизму Германии. Такая позиция определялась тем, что угроз для островной Великобритании было куда как меньше, чем для Франции, например. Для Великобритании принципиально более важным было стремление сохранить свою империю и, в частности Индию, как источник своих доходов и основу своего могущества. Правящие круги этой страны опасались, что новая война, если она состоится, приведет к крушению империи и утрате владения Индией. Именно поэтому правящие круги вели политику умиротворе-

⁴ Речь идет о Мюнхенском соглашении 1938 г., заключенном 29 – 30 сентября 1938 г. премьер-министром Великобритании Н. Чемберленом, премьер-министром Франции Э. Да-ладье, а также фашистскими диктаторами Германии – Гитлером и Италией – Муссолини. Соглашение предусматривало отторжение от Чехословакии и передачу Германии Судетской области, а также удовлетворение территориальных претензий к Чехословакии со стороны правительств Венгрии и Польши. Данное соглашение открыло путь для захвата Германией всей Чехословакии (1939) и способствовало развязыванию Второй мировой войны.

ния Гитлера. Для них было важно сохранить главное, а это главное находилось не в Европе, а в Азии.

Краткое упоминание нами о событиях, предшествовавших Второй мировой войне, показывает, что дипломатические позиции, а также их военное продолжение, вписываются в то, что называется **намерениями** и что геополитика заинтересована, как и феноменология, выявить эти намерения.

Нужно сказать, что именно в этом заключена *центральная диспозиция для проведения геополитического анализа. Речь в данном случае идет об осмыслении триединого феномена: поведение, намерения, желания.*

К такой схеме анализа могут, видимо, быть предъявлены претензии, связанные с тем, что происходит излишняя психологизация области геополитики. Но с подобной критикой, как справедливо отмечает Ф. Тюаль, нельзя согласиться.

Не вызывает никакого сомнения тот факт, что именно поведение государств, а, значит, поведение социальных групп как субъектов политики, является объектом геополитики. И она (геополитика) призвана выяснить «почему и как» образуются позиции данного государства. И *учет влияния психологической составляющей позиций социальных акторов, значит, является не уступкой психологизму, а является реальной составляющей анализа движущих сил истории.*

Перед лицом любого политического кризиса, возникающего в тот или иной момент на международной арене, геополитик задается вопросом: кто что хочет, почему и как? Что хочет страна, развязавшая войну? Кого она опасается? Каких выгод она стремится добиться?

Через посредство анализа дипломатического поведения и военного положения данной страны открывается возможность выявить реальную иерархизацию ее геополитических приоритетов.

Обычно любая страна имеет исторически сложившиеся, подчас, вполне определенные, в том числе и территориальные, амбиции. Это неизбежно приводит к появлению открытых или скрытых угроз в отношении других стран.

Какой же позицией следует руководствоваться геополитику, как, впрочем, и государственным деятелям, опираясь на возможности методов геополитики? Прежде всего, необходимо учитывать, что кризисы и геополитические конфигурации, связанные с ними, являются оригинальными. *Каждому кризису присуща особая иерархизация детерминирующих факторов и причин.*

Это означает, что не существует универсальной модели геополитического поведения. В каждом конкретном кризисе или конфликте политические, экономические, военные, идеологические или религиозные

факторы являются вполне определенным. А потому изучение поведения государства, выяснение его подлинных намерений в каждом конкретном случае есть непростая интеллектуальная задача.

Особый, индивидуальный, скажем так, характер указанной интеллектуальной задачи определяется тем, что в любом кризисе иерархизация факторов всегда является специфически особенной. Иначе говоря, *геополитический метод*, если он строится на основе учета реальных фактов, *должен оценивать и осмысливать эти факты в рамках специфической проблематики именно данного кризиса или конфликта.*

Данная констатация нам необходима для того, чтобы сделать вывод о том, что в геополитике не существует общего закона, действующего подобно тому, как это полагали, например, основатели рассматриваемой нами науки. Для ответственного учено-геополитика существуют только факторы, определяющие ту или иную геополитическую ситуацию, тот или иной геополитический кризис. При этом данные факторы комбинируются каждый раз весьма специфическим образом, даже если в разных геополитических кризисах сами эти факторы являются неименными.

Поясним. Любой геополитический кризис, чаще всего, характеризуется существованием вполне определенных амбиций и угроз, которые накладывают отпечаток на политику данного государства. И потому в основе геополитического подхода не может не учитываться существование двуединства *угрозы-амбиции.*

Излишне, видимо, говорить о том, что эти угрозы и амбиции проявляется различным образом в каждом из кризисов или конфликтов, возникающих в определенное время и в определенном месте.

Однако геополитика не является только интеллектуальным инструментом, который призван выявлять причины и характер возникшего в данный момент кризиса, конфликта или войны. Как мы уже отмечали, геополитический метод основывается на идентификации и анализе намерений, а также поведения, например, государств на международной арене. Именно в этом геополитический метод проявляется себя особенно плодотворно. Это так потому, что выявление *намерений государств и соответствующих им человеческих групп*, в том числе и политических руководителей, в исторический ретроспективе осуществляется в рамках значительных временных промежутков, в том числе и охватывающих несколько столетий.

Именно рассмотрение намерений и поведения в длительной ретроспективе, а вместе с ними и рассмотрение амбиций и угроз для данного государства, например, лежат в основе геополитических рассуждений.

В отличие, например, истории дипломатии, которая основывается на исследовании конъюнктуры, концентрируя свое внимание на текущем моменте, геополитика, вписывая результаты своих исследований в длительную

ретроспективу, открывает новое пространство осмысления феноменов. Эта вписанность в длительные временные интервалы образует костяк, или, говоря иначе, – несущую конструкцию геополитического метода. Данный метод позволяет *изменить поле знания и перейти*, опираясь на историю, но не сводя проблему к ее (истории) предметной области, *к геополитическому методу*.

Третий аспект геополитического размышления, вслед за идентификацией поведения, его вписанности в длительную историческую ретроспективу, заключается в **неразрывной связи с пространством**.

Геополитика, как известно, состоит из двух слов – гео (земля) и политика. Это означает, что геополитика не является социологией государств или психоанализом международных отношений. Она осмысливает *амбиции и угрозы в контексте пространства*. Вписанность во времени, что придает геополитике интеллектуальную эффективность, добавляется ко всему тому, что связано с пространственной укорененностью геополитики. Выявить амбиции государства в длительной исторической ретроспективе означает, что на протяжении X или Y лет данное государство стремилось обладать тем или иным регионом, установить контроль над той или иной рекой, захватить тот или иной остров. На вопросы: «Кто что хочет?», «Как?» и «С кем?», которые предопределяют проблему союзов, необходимо добавить еще и место. **Пространственная или территориальная вписанность устремлений государств образует третью отрасль методологического треугольника геополитики.**

Характеризуя метод геополитики, необходимо учитывать ряд этапов, которые он проходит в своей практической реализации.

Рассмотрение событий, которые ежедневно изменяют панораму международной ситуации, в качестве симптомов или индексов данной международной ситуации, представляет собой **первый этап геополитического метода**. То, что исследуется геополитикой, представляет собой вовсе не изучение патологии заболевания, в отличие, например от врачебного метода, не анализ преступления, в отличие от метода, используемого полицией, а выявление намерения, т.е. *иерархизированной сети позиций, которые подчиняются логике реализации амбиций, а также смягчения или преодоления существующих угроз*.

После выявления поля поведения и его мотиваций **второй этап геополитического метода** заключается в выяснении *исторической продолжительности (или нет) этого поведения*.

Для геополитики важно, с какого времени существует та или иная политическая амбиция, а также и связанные с ней угрозы? Речь в данном случае не идет только об учете всего того, что связано с дипломатией. Важнее другое. Необходимо осуществить селекцию совпадающих элементов поведения в историческом развитии.

Историческое развитие неизбежно формирует геополитические представления данной нации, а вместе с ними и объяснения ее проблем и препятствий для их разрешения. Эти представления неразрывно связаны с географическими данными этой конкретной страны, в которых находят свое отражение различные этапы исторического развития страны.

Понятно, что история одних стран насчитывает тысячелетия (например, Китай или Египет), тогда как есть немало стран, историческое существование которых было весьма кратким. Есть и такие страны, которые стали фактом истории.

Геополитический смысл несут в себе те события, которые связаны с созданием страны. Пример тому – 4 июля 1776 г., знаменующее собой факт возникновения США, или 15 августа 1947 г. – дата провозглашения независимости Индии. Думается, войдут надолго в историю нашей страны августовские события 1991 г., открывшие новый период существования России.

Геополитический анализ предполагает оценку последствий тех или иных событий в истории страны. Так, события 1990-х гг. на пространствах бывшей Югославии, отмеченные, в том числе и военным противостоянием бывших республик данной страны, несомненно, были вызваны к жизни определенными причинами (среди которых назовем лишь факт искусственного создания данной страны). Но, что особенно важно, указанные события наложили неизгладимый отпечаток на современную историю народов бывшей Социалистической Федеративной Республики Югославия и настроения людей.

Немалое число конфликтов в странах Азии и Африки, как известно, имеют в своей основе проблемы территориальной конфигурации, в частности, границ, которые, в одних случаях, искусственно объединяют разные народы, а в других, наоборот, их разделяют столь же искусственно. Если к этому еще добавить различия в вероисповеданиях, то не вызывает сомнения факт геополитического характера конфликтов, о которых идет речь.

Нужно, видимо, сказать и о том, что острой геополитической проблемой некоторых народов является проблемы обретения территории и государственности, как это имеет место быть в случае курдов и палестинцев. Впрочем, не менее остра, например, проблема сохранения Израилем своей государственности, что оспаривается некоторыми арабскими лидерами⁵.

Наконец, геополитический итог кризиса, союза или войны должен выводиться на основе **учете территориальной реальности поведения в длительной ретроспективе**. Речь идет о том, чтобы выяснить, какой выигрыш стремится получить данная страна, проводя ту или иную политику, осознанно обостряя, к примеру, отношения с той или иной страной. В

⁵ Cf. Nazet M. Op. cit. P. 40 – 42.

таким подходе выясняются, как правило, такие вопросы: какой регион или какой город стремится подчинить себе данная страна? На какую реку или иной водный бассейн претендует данная страна? Каким стратегическим ресурсом (нефть, лес или иные полезные ископаемые) стремится завладеть данная страна или коалиция стран? Какие стратегические выигрыши с позиции безопасности стремится получить данное государство?

Приведенные нами основные элементы анализа не охватывают, конечно, всего многообразия факторов и обстоятельств, которые необходимо учитывать при проведении геополитического анализа. Однако, как считают ученые-геополитики, названные нами три ключевых элемента, открывают возможность для геополитического осмысления реалий современного мира. Ответив на эти три группы проблем, геополитика может делать определенные выводы. При этом нужно иметь в виду, что сами эти выводы геополитического анализа, в свою очередь, становятся создателями и носителями значений и смыслов.

Как отмечал Жорж Гурвич⁶, «наука коренится в скрытом»⁷. Применительно к геополитике это означает, что *поверх очевидности, политических и дипломатических рассуждений, необходимо уметь анализировать реальность амбиций и намерений государств*. Кризисы и конфликты являются полем сил, где происходит столкновение намерений, которые могут получать свое выражение в военных действиях или в иных формах противостояний. И эти намерения, а тем более военное противоборство, чаще всего, связаны с определенным пространством, территорией.

Нужно сказать, что за любыми конкретными событиями геополитика призвана выявлять причины этих событий, а также цели, которые преследуют инициаторы конфликта. Это должно получать выражение в некоем синтаксисе событий. И в этом синтаксисе как бы соединяются воедино историческое наследие и географическая фатальность.

Стремясь выйти за пределы вуали событий, геополитический разум как бы создает заново скелет ставок, который определяет эти события. Целью геополитического метода является изучение того, как избежать событий, которые, как правило, широко освещаются в СМИ с тем, чтобы найти им объяснение. Обретение геополитического разума является ничем иным, как стремлением научиться понимать кризисы иначе, чем их трактовка через разного рода сенсации или ужасы, чем нередко грешит пресса.

⁶ Гурвич Жорж (Георгий Давидович) (1894 – 1965) – российский и французский социолог и философ. В 1917 – 1918 гг. преподавал в Петроградском университете. В 1918 г. был назначен профессором Томского университета. В 1920 г. эмигрировал. В 1921 – 1925 гг. читал лекции в Пражском университете. Одно время работал в Германии, потом переехал во Францию. Во время Второй мировой войны преподавал в Гарвардском и Колумбийском университетах США. С 1949 г. и до конца жизни возглавлял кафедру социологии в Сорбонне, основанную Эмилем Дюркгеймом.

⁷ Cf. Thual F. Op. cit. P. 24.

Необходимость стратегии в многополярном мире: рекомендации для ЕС после Лиссабона

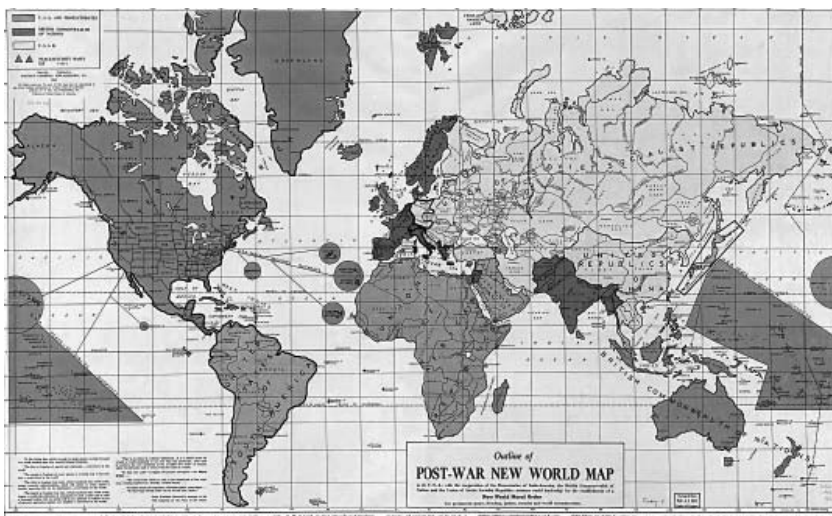
Томас Ренард, Свен Бишоп

Наконец-то вошел в силу Лиссабонский договор. Пришло время ЕС вернуться к работе и специально рассмотреть свою внешнюю политику. В стремительно усложняющемся и многополярном мире ЕС должен действовать стратегически. Чтобы избежать превращения в никому не нужного международного актора, Брюсселю необходимо 1) разработать Большую стратегию для определения истинных целей своей внешней политики; 2) выковать крепкое стратегическое партнерство с ключевыми глобальными игроками; и 3) способствовать строительству новой эффективной многосторонней системы, которая принимает в расчет новую глобальную расстановку сил.

Сейчас, после того как Кэтрин Эштон была назначена Высоким представителем Европейского Союза по международным отношениям и политике безопасности, а первым президентом Европейского Совета стал Херман ван Ромпей, перед нами встает более основательный вопрос: какую внешнеполитическую стратегию они намерены осуществлять?

В своей Европейской стратегии безопасности (ЕСБ) ЕС разработал свою главную стратегическую линию, охватывающую все инструменты и ресурсы внешней политики, имеющиеся в распоряжении ЕС и государств-членов. ЕСБ рассказывает нам, как действовать превентивно, целостно и многосторонне, но она не дает ответа на вопрос, что именно делать: каковы внешнеполитические приоритеты ЕС? В ходе недавних дебатов по поводу ЕСБ, суммированных в 2008 году в Отчете об осуществлении европейской стратегии безопасности, не удалось найти ответа на этот вопрос. Мало предлагая относительно планов на будущее, сам Отчет создает впечатление незаконченного документа, в рамках которого трудно себе представить, что Лиссабонский договор улучшил институциональную структуру ЕС, НАТО запустила стратегические переговоры по поводу взносов ЕС и предполагаемых рисков для ЕС перейти в тень набирающих силу держав.

Полноценный стратегический обзор предназначен для того, чтобы дополнить ЕСБ. Первое правило разработки стратегии – изучить самого себя. Хотя это и кажется на первый взгляд очевидным, на самом деле не вполне понятно, какие именно ценности и интересы ЕС пытается защищать, и какого рода международным актором он хочет быть. Более того, ЕС должен начать стратегический обзор с рассмотрения себя самого и попытки установить точные цели своей внешней политики. Но в таком

пристальном всматривании в зеркало может быть также много опасностей, и к тому же ЕС не может претендовать на роль стратегического актора, если продолжит игнорировать других стратегических игроков. Такие рассуждения нужны не к вопросу поиска врагов (вероятно, у ЕС нет прямых врагов, однако стратегические неожиданности никогда не должны полностью вычеркиваться¹), а для того, чтобы распознать «другого». И, в конце концов, последним принципом воспроизводства стратегий может быть следующий: оценка окружающей среды или, иными словами, изучение всеобщих правил игры. Если ЕС надеется стать глобальной силой, ему необходимо понять – а лучше создать самому – правила, определяющие международные отношения.

Необходимость Большой стратегии

Какие ценности и интересы должна защищать наша Большая стратегия? Европа обладает очень характерной социальной моделью, совмещающей демократию, рыночную экономику и решительное государственное вмешательство. Охрана и усиление этого внутреннего социального контракта между ЕС и его гражданами, гарантия их защищенности, экономического процветания, политической свободы и социального благополучия суть фундаментальные цели ЕС как внутренне и вовне ориентированного глобального актора. Вот те условия, необходимые для отстаивания наших жизненных интересов: защита от любой внешней военной опасности; открытые линии коммуникаций и торговли (не-

¹ Colin S. Gray, "The 21st Century Security Environment and the Future of War". Parameters, vol. 38:4 (2008), pp. 14-26.

посредственно в физическом и кибер-пространстве); охрана поставок энергии и других жизненно важных природных ресурсов; экологически устойчивая окружающая среда; контролируемые миграционные потоки; поддержка международного права и других повсеместно распространенных прав; а также автономия ЕС в принятии решений.

Чтобы отстаивать эти интересы, ЕС должна быть влиятельной силой, т.е. стать стратегическим актором, который сознательно и целенаправленно определяет долгосрочные цели, активно следует намеченному курсу и овладевает необходимыми средствами для достижения этих целей. То, какую именно силу ЕС использует, частично зависит от международного окружения. Отмеченное межполярностью, определяемой как «многополярность в век взаимозависимости»², это окружение таит в себе множество вызовов, но в то же время предоставляет возможность ЕС отстаивать характерную Большую стратегию. Эта стратегия отличается в том смысле, что делает акцент на целостном подходе, применяя полный спектр инструментов, начиная от партнерства и многосторонних институтов, заканчивая осуществлением политики предотвращения и стабилизации. Несмотря на Большую стратегию, проводимую, например, США, ЕС склоняется скорее к управляемой на основе принятых правил многосторонности; он глобально продвигает свои ценности, однако не пытается навязывать их силой.

Тот подход, который продвигал ЕС, вполне соответствует этой Большой стратегии, но практика внесла в него множество ограничений и поправок. В особенности это касается других глобальных акторов, к которым ЕС применяет стратегию «позитивной условности», т.е. предложения определенных выгод в обмен на взаимодействие в сфере безопасности и экономики, социальные и политические реформы, что в результате оказалось скорее безуспешным. Цена независимости оказывается слишком велика, а масштаб – слишком обширным для ЕС, чтобы иметь какой-то эквивалент на другой чаше весов. С другой стороны, слишком напыщенное поведение без каких бы то ни было действий лишь подрывает soft power Европейского Союза.

Необходимость по-настоящему стратегического партнерства

В мире, который с каждым днем становится все более многополярным и взаимозависимым, – а лучше сказать межполярным, – ЕС не может продолжать апеллировать к влиянию в глобальном мире без наличия внятной стратегии. Более того, ЕС создал новые инструменты для сотрудничества с другими глобальными акторами: стратегическое партнерство. Однако актуальная стратегия в этой сфере по-прежнему не ясна.

² Giovanni Grevi, *The Interpolar World: A New Scenario*. Occasional Paper 79, Paris: EUISS, 2009, p. 9.

Первая и главная проблема – это недостаточное понимание концепции стратегического партнерства. Никто не пытался дать ей внятного определения, и поэтому она рассматривалась и интерпретировалась совершенно разным образом различными акторами в самом ЕС, и почти не рассматривалась вне ЕС.

Другая существенная проблема связана со странами, которые относятся к стратегическим партнерам. Здесь есть лишь несколько установленных критериев за исключением того, что сотрудничество может быть заключено с «третьими странами, международными или глобальными организациями, которые разделяют принципы [демократии, верховенства закона, универсальности и неделимости прав человека и основных свобод, уважение человеческого достоинства, принципов равенства и солидарности, а также уважение принципов Устава ООН и международного права]» (Лиссабонский договор, Статья 22) и что «статус стратегического партнера специально предназначен чтобы страны могли совместно оказывать существенное влияние на глобальные процессы»³.

В этом смысле, не считая контактов с США, Канадой и НАТО, ЕС заключил договоры или еще ведет переговоры с семью стратегическими государствами-партнерами (Бразилия, Китай, Индия, Япония, Мексика, Россия и Южная Африка), и одной международной организацией (Африканский Союз). Кажется достаточно очевидным, что не каждое из этих партнерств в равной степени стратегично. Большинство из этих стран являются безусловными региональными лидерами или, по крайней мере, значимыми игроками в одной из мировых глобальных проблем. Это делает из стратегическими в рамках одного региона или одной проблемы. Но достаточно ли это условие, чтобы рассматривать их в качестве стратегического партнера? Может ли Мексика или Южная Африка быть поставлена на один уровень с Китаем, Россией и Соединенными Штатами?

Опасность заключается в возможности чрезмерного растягивания понятия, что может привести к слиянию представлений о важных отношениях и стратегических отношениях. Такое растягивание терминологии создает неловкое положение в самом ЕС, а также для его партнеров и в их попытках распознать реальные амбиции Европы. В этом смысле нам прекрасно удастся запутать наших партнеров и стать для них еще менее стратегическим союзником. Итак, как мы можем сделать отношения ЕС стратегическими? По-настоящему стратегическое обращение к партнерству должно начинаться со всесторонней оценки интересов ЕС во всех регионах земного шара и ясного обоснования преследуемых там целей. Столь же уместно назначение приоритетных действий для пре-

³ "Towards an EU-Mexico Strategic Partnership", COM(2008) 447, Brussels, 15 July 2008.

одоления глобальных вызовов, жизненно важных для Союза. По многим из этих пунктов – климат, миграция, энергия – ЕС уже разработал определенную политику, но и она должна быть встроена в более широкую структуру внешней политики.

Не столько сами цели, сколько стратегическое партнерство являются инструментом осуществления «эффективной многосторонней политики». ЕС мог бы найти общие интересы с каждым из своих стратегических партнеров с тем, чтобы создать в приоритетных зонах осуществления своей политики эффективное практическое сотрудничество с теми стратегическими партнерами, которые разделяют интересы ЕС в конкретной области с целью установления новых форм сотрудничества и связывания их с постоянно действующими многосторонними институтами. Столь прагматический подход к выстраиванию коалиции и практическому взаимодействию может со временем распространиться на более обширные пространства, включая уже распространение ценностей. Если, например, маловероятно, что мы увидим Китай на передовой продвижения демократии, то куда более реалистично, что эта страна увидит свои интересы в продвижении верховенства закона. Чем постоянно задаваться вопросом, с каким государством или организацией заключать договор о стратегическом партнерстве, ЕС следует пристальнее рассмотреть уже существующие связи и вовлекать акторов в конструктивное сотрудничество в тех сферах, где их государственные интересы уже совпадают с интересами ЕС. В результате, вполне вероятно, что могут появиться два типа партнерств: те, с которыми ЕС устанавливает всестороннее сотрудничество во множестве областей – к таким относятся Россия, Китай и Индия, если они сами дадут добро на такое сотрудничество – и конечно же США; и те, с которыми сотрудничество может происходить лишь в определенных сферах или конкретных регионах.

Чтобы указанное стратегическое партнерство заработало, ЕС должен говорить одним голосом – другие глобальные акторы уже слишком опытные в натравливании одних государств ЕС на других. «Разделяй и властвуй» – это вовсе не та стратегия, которая может послужить европейским интересам... Как минимум государствам-членам следует подписаться под правилами прозрачности и в автоматическом режиме информировать ЕС о всех важных двусторонних договоренностях со стратегическими партнерами для того, чтобы хотя бы открыть возможность дебатов в рамках институтов ЕС и снизить риск столкновения потенциально конфликтных интересов. В идеале стратегические партнерства могли бы обращаться к ЕС как к уникальному посреднику в ряде ключевых вопросов, ограничивая поэтому поле для маневра отдельных государств-членов. С реализацией Лиссабонского договора больше функций может быть передано

Европейской службе внешнеполитической деятельности в централизации и координации множества стратегических партнерств, связывании их в целостную и непротиворечивую внешнюю политику. Однако без самой стратегии стратегические партнерства вскоре станут неуместными. Но вкупе с целостной стратегией они потенциально могут стать очень эффективными инструментами общей европейской внешней политики.

Необходимость реформирования многостороннего подхода

Двусторонних стратегических партнерств будет явно недостаточно для формирования будущего глобального порядка, однако и многосторонняя архитектура как таковая должна быть реформирована. Если мир необратимо становится многополярным – или даже межполярным, – то все еще не ясно, приведет ли многополярность к большему сотрудничеству или соперничеству. История учит нас, что появление новых сил на мировой арене бросает вызов, брошенный новыми мировыми силами старому порядку, может привести к реализации различных сценариев, зависящих от способности игроков приспособиться друг к другу и своему окружению. Из истории нам также нужно усвоить, что межполярность по своей природе не ведет к сотрудничеству, что наглядно иллюстрирует соперничество между великими державами XIX века в мире, который к тому моменту уже был многополярным и взаимозависимым (даже более взаимозависимым, чем сейчас, если мы обратим внимание лишь на некоторые показатели, такие как отношение торговли к ВВП или потоки капитала)⁴.

Приверженность ЕС кооперативной форме многополярности широко известна из-за того, что он продвигает международный порядок, основанный на систематической и правовой многосторонности, которая на брюссельском жаргоне звучит как «эффективная многосторонность». Подобное предпочтение вполне вписывается в долгосрочную стратегию содействию миру и многосторонней кооперации, основанной на твердом историческом убеждении, что многосторонность – лучший путь к миру. Очевидно также, что глобальная реформа многосторонности – в интересах ЕС, который «ничего не приобретет и все потеряет, если и дальше будет идти на поводу у более решительных держав, пытаясь лавировать в сопернической игре других значительных сил»⁵. Но реформы многосторонности представляют собой общий интерес, поскольку от мира, управляемого нестабильными политическими играми, каждый из

⁴ See Richard E. Baldwin, Philippe Martin, *Two Waves of Globalisation: Superficial Similarities, Fundamental Differences*. NBER Working Paper 6904, Cambridge: National Bureau of Economic Research, January 1999.

⁵ Alvaro de Vasconcelos, "Multilateralising Multipolarity", in Giovanni Grevi and Alvaro de Vasconcelos (ed.), *Partnerships for Effective Multilateralism: EU Relations with Brazil, China, India and Russia*. Chaillot Paper 109, Paris: EU Institute for Security Studies, May 2008, p. 24

нас понесет много потерь, более того, в конечном итоге пострадает вся система, если решения ключевых глобальных проблем, таких как изменение климата и ядерного распространения, зайдут в тупик.

Как отмечается в Европейском социальном опросе за 2003 г., «в мире глобальных угроз, глобальных рынков и глобальных медиа наша безопасность и процветание все больше зависит от эффективной многосторонней системы». Более того, «развитие сильного международного сообщества, исправное функционирование международных институтов и правового международного порядка – это наша цель. (...) Нам нужны международные организации, режимы и договоры, которые могут быть эффективными в противостоянии угрозам международного мира и безопасности, и быть тем более готовыми к действию, когда эти правила рухнут»⁶.

Тем не менее, несмотря на то, что ЕС благоприятствует многостороннему подходу к международным отношениям, важно отметить, что не все формы многосторонности подходят для ЕС. Например, образование специального двустороннего или многостороннего альянса – особенно не включающего ЕС – может потенциально навредить Европе; например, G-2 между Китаем и Америкой будет медленно, но неизбежно клонить США в сторону Азии и все стремительнее делать Европу ненужной.

Более того, даже там, где мир наиболее пронизан нитями сотрудничества, он остается поразительно беспорядочным. О нашей современной эпохе можно сказать, что это век мульти-мультисторонности, определяемой как усиление асимметричного и динамического кооперационного процесса, в котором: 1) страны становятся членами множества взаимопересекающихся институтов, создающих новую мозаику многосторонних взаимодействий; 2) государства постоянно пересекаются на множестве форумов, и от этого увеличивается концентрация международных отношений; 3) формальные институты (например, ООН) с неформальными форумами (например G20) в движущихся и постоянно пересекающихся пропорциях⁷. И все же в век мульти-мультисторонности сотрудничество между глобальными акторами остается условным и конечно же не автоматическим.

Таким образом, встает очевидный вопрос: как нам достичь столь эффективного многостороннего порядка? На такой вопрос, конечно, не может быть однозначного ответа, но наша интуиция подсказывает нам, что следовало бы начать с того, что у нас уже есть, с обращения к самым последним событиям, включая недавний переход G20 с министерского на уровень глав государств, что было воспринято развивающимися странами скорее как позитивный сигнал, дающий им повод рассматривать себя в качестве ключевых игроков в преодолении глобальных вызовов.

⁶ A Secure Europe in a Better World – European Security Strategy, Brussels, 12 December 2003, p. 9.

⁷ Thomas Renard, A BRIC in the World: Emerging Powers, Europe, and the Coming Order. Egmont Paper 31, Brussels: Egmont – The Royal Institute for International Relations, October 2009, p. 15.

Такое официальное признание было наиболее позитивно воспринято в Нью-Дели, Пекине и Бразилии. Так или иначе, смещение G8 новой группой G20 также позитивно отразилось на ЕС, по крайней мере, по двум причинам. Во-первых, Брюссель – официально 20-й член G20, в то время как был лишь 9-м в G8. Возможно, это лишь символический нюанс, но в обоих случаях ЕС имеет те же «права» и «обязанности», что и другие члены, за исключением права на отдельное место проведения домашних саммитов, что сказывалось на невозможности формирования повестки дня. Но в международной политике, риторике и выборе слов ЕС не столь невинен; поэтому, в некотором роде, G20 признает «восходящий» и «глобальный» статус ЕС в международных отношениях в той же мере, в какой признает статус Китая, Индии и Бразилии.

Во-вторых, ЕС может показать себя более целостно в G20, чем в G8, потому что опыт последних лет показал, что предсоставительное сотрудничество было более плодотворным в рамках G20⁸. После того, как уровень встреч был поднят до уровня глав государств и расширилась повестка дня, появился столь же видимый тренд на большее внутреннее сотрудничество на том основании, что более сильный европейский голос нуждается в форуме, где Европа представляет лишь одну пятую всех членов (в отличие от половины в G8). Действительно, в преддверии саммита в Питсбурге ЕС подал позитивный сигнал, когда выпустил коммюнике, в котором говорилось о «согласованных формулировках» для предстоящего Саммита, в котором содержатся заявления о развитии, изменении климата и энергетической безопасности, то есть набор тем, отражающий широкую повестку дня G20. Более сильный и сплоченный европейский фронт будет посылать позитивный сигнал нашим новым стратегическим партнерам.

Однако, пристально рассматривая роль ЕС в G20, по-прежнему открытыми остаются следующие вопросы:

1) Кто будет представлять ЕС на следующем Саммите в Торонто в июне? На самом деле, в Лиссабонском договоре не вполне ясно прописано, кто будет заменять президента Комиссии и осуществлять ротацию президентства. Может быть, то что Ван Ромпей или Эштон сопровождали Жозе Мануэля Баррозо в Торонто – это своего рода сигнал.

2) как нам связать новую группу G20 с эффективной многосторонностью? На самом деле, полномочие G20 было хорошей опцией, чтобы заставить развивающиеся державы почувствовать свою вовлеченность в борьбу с сегодняшними глобальными вызовами, но это лишь переходная фаза незаконченной и более широкой реформы всей глобальной многосторонней архитектуры. Если мы хотим, чтобы Россия, Китай, Индия

⁸ Skander Nasra, Dries Lesage, Jan Orbie, Thijs Van de Graaf, Mattias Vermeiren, The EU in the G8 System: Assessing EU Member States' Involvement. EUI Working Paper RSCAS 2009/45, San Domenico: European University Institute, September 2009.

или Бразилия следовали правилам ВТО, МВФ или ООН, нам нужно усилить (и в конечном счете их изменить) эти институты.

Как бы то ни было, такая реформа займет время, и придется принять множество трудных решений. Тем временем G20 может оставаться доверенным лицом для использующих ее формальных организаций при том условии, что они признают временный характер таких отношений и что G20 не заменяет, а дополняет Совет безопасности ООН.

Развитие G20 в качестве временного посредника для глобальных институтов – это необходимое исключение из «эффективной многосторонности», потому что в сегодняшнем межполярном мире большинство вопросов взаимопересекаются, отсюда и необходимость в увеличении кооперационных связей и координации между странами по всему миру. Благодаря своей композиции (все значительные страны представлены здесь) G20 представляет собой лучший из доступных форумов для обсуждения глобальных вызовов и путей их преодоления. Однако ЕС должен быть уверен, что решения, принятые в рамках G20, соответствуют мировым правилам и будут претворяться в жизнь постоянно действующими международными организациями, например структурами ООН.

Заключение

«Ад – это другие люди» (“l'enfer c'est les autres”) писал Жан-Поль Сартр, подразумевая под этим, что мы отсчитываем свою собственную идентичность от восприятия и отношений с другими. Если бы Сартру пришлось столкнуться с современным ЕС, становящимся все менее и менее значимым в глазах значимых других, он мог бы прийти к заключению, что он невольно описал положение ЕС в международной системе...

Но будущее полно надежд, а не отчаяния. Чтобы найти свое место в мире, отличающимся подвижной асимметричностью многополярности и мульти-мультисторонности, ЕС должен начать действовать стратегически уже сейчас. И в самом деле, если ЕС и правда хочет прекратить существование в качестве глобального актора, чтобы стать глобальной державой, ему необходима глобальная стратегия. Ему нужна Большая стратегия.

Эта стратегия неизбежно будет обусловлена глобальным окружением (межполярностью), ей не следует быть всецело зависимой от этого окружения, то есть наша стратегия должна преследовать формирование глобального окружения в той мере, в которой это окружение влияет на нас, и в то же время не попасть в ловушку реактивной по своему характеру политики, которая до сих пор определяет внешнюю политику ЕС. По словам бригадного генерала Джо Коломонт, «пока ЕС играет в пинг-понг, другие играют в шахматы». В качестве Ван Ромпея и Эштон Европа предложила нового Короля и нового Ферзя. Так давай те же сыграем эту партию!

Предпосылки многополярного мирового порядка

Савин А.В.

Теория и стратегия многополярности имели ряд объективных предпосылок и периодов повышенного интереса к ним со стороны международного сообщества политиков и экспертов. В данной публикации мы попытаемся проследить эти этапы и перспективу имплементации теории и практики многополярности в качестве доктрины национальной и международной стратегии.

Международное поле и государства

Хотя некоторые авторы относят к опыту многополярности XX в. период между Первой и Второй мировыми войнами, прежде всего, нужно отметить появление в двуполярной системе Движения Неприсоединения (Non-Aligned Movement), которое было официально создано 25 государствами на Белградской конференции в сентябре 1961 г. Его созданию предшествовали Бандунгская конференция 1955 г. и трёхсторонние консультации Иосипа Броз Тито, Гамалы Абдель Насера и Джавахарлала Неру в 1956 г. Оно было создано на принципе неучастия в военных блоках (под которыми на момент основания организации подразумевались, прежде всего — НАТО и Варшавский договор, а также Багдадский пакт, СЕАТО, АНЗЮС и т. п.). На данный момент эта международная

организация состоит из 119 государств, которая раз в три-четыре года проводит конференции. Ранее лидерам стран этой организации удавалось лавировать между СССР и США, получая определенные политические и экономические преференции, однако сейчас эта структура может послужить мощной опорой для международной стратегии мультиполярности, на что было указано в совместной декларации Россия и Китая, а также в различных исследованиях¹.

Также чуть позже была создана Организация Солидарности Народов Азии, Африки и Латинской Америки (Organización de Solidaridad con los Pueblos de Asia, Africa y América Latina, аббревиатура OSPAAAL) — международная структура, целями которой являются борьба с глобализацией, империализмом, неолиберализмом и защита прав человека. Она была основана в январе 1966 г. в Гаване, после конференции трех континентов, встречи политиков из Гвинеи, Конго, ЮАР, Анголы, Вьетнама, Сирии, КНДР, ООП, Кубы, Пуэрто-Рико, Чили и Доминиканской республики. С учетом политической направленности организаторов, OSPAAAL имеет определенную идеологическую заангажированность и по праву может называться международным левым движением, которое склонно к ревизионизму и отсутствию жесткого догматизма. В последнее время внутри нее большое значение придается различным международным проектам типа ALBA и UNASUR, а также анализу различных механизмов, инициируемых Вашингтоном от ALCA до проектов USAID². В контексте попыток США и ряда стран Западной Европы реформировать свое присутствие в странах Азии, Африки и Латинской Америки, которые называют неокOLONИализмом, OSPAAAL также может сыграть значительную роль в выработке новых правил международных отношений.

Аналогично в военной сфере глобальный дисбаланс произошел после того, как США утратили монополию на ядерное оружие. Один из видных теоретиков политического реализма и поведения государств Кеннет Уолтц вообще считает, что распространение ядерного оружия приводит к укреплению международной безопасности.

Уолтц исходит из того, государства являются рациональными акторами, склонными к минимизации рисков. Ядерные державы, имея дело друг с другом, будут вести себя крайне осторожно, поскольку понимают, что цена конфликта может быть слишком велика. По его мнению, государства с небольшим ядерным потенциалом могут успешно применять стратегию сдерживания в отношении гораздо более мощных ядерных держав. В этой связи Уолтц не видит смысла в чрезмерном и дорогостоящем наращива-

1 Caragea, Anton. The Non-Aligned Movement: A Chance for a Multipolar World. September 28, 2009. <http://inthesenewtimes.com/2009/09/30/the-non-aligned-movement-a-chance-for-a-multipolar-world/>

2 Calloni S. Guerra preventiva sin fronteras y terrorismo de Estado Mundial. //Tricontinental Magazine №170/2011. P. 11.

нии ядерных arsenалов, выступая за минимально достаточный потенциал сдерживания: «больше – не лучше, если достаточно иметь меньше». Умиротворяющий эффект ядерного оружия заключается и в том, что с его появлением резко снизилась стратегическая значимость территории. Раньше завоевание территории рассматривалась как важная мера по созданию вокруг государства «буфера безопасности». Теперь, когда главным гарантом безопасности стали ракеты с ядерными боеголовками, ослабели стимулы к расширению территориальных рубежей и тем самым была устранена одна из главных исторических причин войн³.

Даже несмотря на усилия США в деле нераспространения ядерного оружия, нынешний ядерный клуб уже отражает многополюсную структуру.

Распад биполярной системы и переоценка геополитических ценностей

Исчезновение СССР с карты мира и последовавшие за этим перемены вынудили теоретиков-международников переосмыслить международную ситуацию. Появились различные версии мирового устройства. Часть политологов была склонна называть ее однополярной, указывая на безусловную гегемонию США. Другая часть не спешила со столь однозначными выводами и настаивала на появлении различных полюсов, в том числе представляющих и негосударственных акторов.

Директор Центра геополитических исследований Института Европы РАН К. Э. Сорокин, который был одним из отечественных пионеров теории многополярности, указавший, что основная структурная особенность геополитики XXI в. состоит в многополярности, отличающаяся не только от биполярности периода холодной войны, но и от более ранних видов многополярности. По его мнению «в основе современного полицентризма, идущего на смену геополитического (преимущественно военно-политического и идеологического по своему содержанию) противостояния Восток-Запад, лежит, прежде всего, распадение мира на соперничающие зоны преимущественной внутренней экономической интеграции, значительно более тесной, чем между зонами, как глобального, так и регионального уровня. Не случайно западные исследователи нередко говорят о возрождении после холодной войны феномена «экономического национализма» вопреки всем рациональным соображениям. А на глобальные экономические зоны накладываются также этноцивилизационные либо культурные общности... Наконец, необходимо отметить немалое влияние на эволюцию геополитической картины мира совокупности исторических традиций, представлений и оценок... Геополитическая модель современного мира, таким

3 Лукин А. Ядерное распространение: зло или благо?//Геополитика №4, 2010.

образом, представляется многослойной и полицентрической»⁴. Индуский политолог Сурьянараяна считает, что многополярность как устойчивый принцип международных отношений мыслима только между государствами, которые развивались органически, как дома силы (power houses)⁵. По этой логике многополярность – это уже не только теория о практически равнозначных центрах силы, но и отказ в возможности быть таким полюсам искусственным или химерическим образованиям.

Западными политологами отмечается, что «многополярный мир стал глобальной реальностью, что признано почти всеми, в том числе такими авторитетными структурами, как разведывательное сообщество США. Но так было не всегда. На протяжении большей части своей геополитической жизни, термин «многополярный» был синонимом борьбы с Америкой, будь то вопрос бывших союзников в холодной войне или беспокорство России по поводу статуса сверхдержавы»⁶. Ряд западных политиков так и продолжает считать, что риторика о многополярности во многом подпитывается имперскими амбициями России. Другая часть, придерживающаяся геополитического анализа, рассматривает рост интереса у ряда европейских и азиатских государств к стратегии многополярности из-за экспансии США на Ближний Восток, в Северную Африку и Среднюю Азию, что является зоной евразийских интересов. В частности, Тиберио Грациани замечает, что США имело два сценария для реализации своих планов в Евразии – это «цветные революции» и разделение евро-афро-азиатского региона на две части путем укрепления своего присутствия в Средиземноморье. Само структурирование многополюсной системы продвигается медленно, не столько из-за недавних американских действий в Северной Африке, а скорее из-за «регионалистского» отношения, принятого евразийскими акторами (Турция, Россия и Китай), оценивающими Средиземноморье и Среднюю Азию как функцию именно собственных национальных интересов⁷.

Ирак как катализатор перехода к мультиполярности

Многие западные исследователи отмечают, что односторонняя агрессия США против Ирака во многом содействовала переосмыслению международных процессов и легитимизации идей многополярности. Существовал различный анализ этих событий – от концепций применения силы до идеологии. Так, например, колумнист издания *Asian Times*,

⁴ Сорокин К.Э. Геополитика современного мира и Россия.//Полис №1-2, 1995 г.

⁵ Suryanarayana P.S. Multipolarity: vision and reality.// The Hindu. October 13, 2000 <http://www.hindu.com/2000/10/13/stories/05132523.htm>

⁶ Dickinson E. New Order. How "the multipolar world" came to be. Foreign Policy.

⁷ Грациани, Тиберио. Средиземноморье и Центральная Азия: стержни Евразии.// Вестник аналитики № 3 (45), 2011. С. 31-36.

критикуя действия США на Ближнем Востоке отмечал, что «реальный враг - это неолиберализм. Война в Ираке являлась частью плана по установлению безопасного мира для неолиберализма. И эта война подобно саморазрушительным раковым клеткам подрывает неоимпериализм США»⁸. И. Валерстайн, хотя и видел в иракской кампании серьезную ошибку администрация Буша, узрел в упадке американской мощи более серьезные причины, связанные с изменением структуры мир-системы⁹. Бывший член Комитета Сената США по международным отношениям Клиффорд Киракоф младший также переложил вину в искажении курса внешней политики США на Дж. Буша и его окружение, но связал ее с преемственностью идей Карла Шмитта о чрезвычайных обстоятельствах с курсом агрессивного неолиберализма Дж. Буша, так как неоконсерваторы и некоторые юридические школы в США следуют доктринам К. Шмитта¹⁰. По его мнению ошибка администрации Буша состояла в том, что была нарушена именно американская преемственность ведения международных дел, т.к. один из самых известных авторитетов в области международных отношений и дипломатии Джон Бассет Мур, что «американские государственники должны искать пути регулирования отношений между нациями на основе закона, не только в соответствии с защитой слабых от сильных, но и как единственное средство обеспечения мира во всем мире»¹¹. Буш же применил концепцию *Machtpolitik* нацистской Германии, которая и привела к дисбалансу сил в мировом пространстве. По мнению К. Киракофа необходимо восстановление более ранних американских перспектив в стиле конструктивной неимперской внешнеполитической традиции, лучше всего воплощенной президентом Джоном Куинси Адамсом. Такое восстановление будет включать в себя изучение позитивных отношений, которые развивались с Индией, Китаем, Россией, Японией, и на Ближнем Востоке в течение XVIII и XIX вв., когда Соединенные Штаты вполне комфортно работали в многополярном и многокультурном международном обществе.

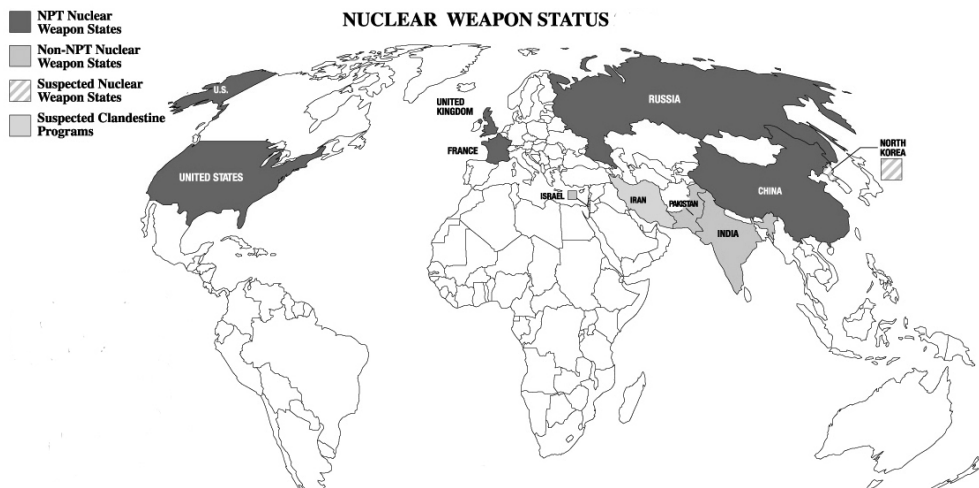
Однако до второго вторжения в Ирак произошло еще два события, которые значительно повлияли на переоценку взгляда, связанного с глобальной конвергенцией и мондиализмом, т.е. доктриной однополюсного мира в той или иной форме. Это кризис в Восточной Азии, который в 2008 г. отразился на России и странах СНГ, а также агрессия

⁸ Liu H. The war that may end the age of superpower. Asian Times. April 5, 2003. http://www.atimes.com/atimes/Middle_East/ED05Ak01.html

⁹ Wallerstein I. Precipitate Decline: The Advent of Multipolarity.//Harvard International Review. Spring 2007. Pp. 54-59.

¹⁰ Kiracofe, Clifford A. Jr. The U.S.A. Confronts a Multipolar World. EIR-sponsored seminar in Berlin, Germany, Jan. 12, 2005. <http://www.vmi.edu/fswebs.aspx?tid=37359&id=37417>

¹¹ Moore, John Bassett. American Diplomacy. NY: Harper and Brothers, 1905, pp. 251-252.

НАТО в Югославии весной 1999 г. Параллельно этому шел процесс навязывания странам Третьего мира финансовой политики Вашингтона, осуществляемой через Всемирный банк и МВФ, что позволило увидеть лидерам многих государств перспективу будущего, если мир будет двигаться в сторону неолиберализма, в довольно мрачных тонах.

Российско-китайское сотрудничество

Китаю и России многие приписывают первые шаги по выработке стратегии многополярности для международных отношений. Безусловно, это имеет под собой определенные основания. Еще 23 апреля 1997 г. в Москве Россией и Китаем была подписана декларация по мультиполярному миру и установлению нового международного порядка, а 15 мая она была зарегистрирована в ООН. В ней было указано, что Российская Федерация и Китайская Народная будут прилагать усилия для содействия развитию многополярного мира и установлению нового международного порядка. Отмечалось, что в конце XX века в международных отношениях произошли глубокие перемены... утверждается многообразие политического, экономического и культурного развития всех стран, растет роль сил, выступающих за мир и широкое международное сотрудничество. Все большее число стран приходит к общему пониманию того, что необходимы взаимное уважение, равенство и взаимная выгода, а не гегемонизм и силовая политика, диалог и сотрудничество, а не

конфронтация и конфликты. Построение мирного, стабильного, справедливого и рационального нового международного политического и экономического порядка становится настоятельным требованием эпохи и императивом исторического развития. Декларация гласила, о том, что каждое государство имеет право, исходя из своих конкретных условий, независимо и самостоятельно выбирать путь развития без вмешательства со стороны других государств. Различия в социальном строе, идеологиях, системах ценностей не должны становиться препятствием для развития нормальных межгосударственных отношений. При этом акцентировалось, что Китай и Россия переходят к новой форме взаимоотношений и она не направлена против третьих стран.

Возлагались надежды, что ООН сыграет важную роль в установлении нового международного порядка, а также важными силами, способствующими формированию многополярного мира назывались развивающиеся страны и Движение Неприсоединения.

Совместная декларация Российской Федерации и Китайской Народной Республики о международном порядке в XXI веке которая была подписана в Москве 1 июля 2005 года Президентом России Владимиром Путиным и Председателем КНР Ху Цзиньтао¹² логически продолжила эту линию. К этому времени США уже вторглись в Ирак и новая декларация являлась реакцией на этот вызов, призванной укрепить усилия по организации нового международного порядка. Также в новой декларации говорилось, что «многообразие культур и цивилизаций в мире должно стать основой для их взаимообогащения, а не для конфликтов. Не «столкновение цивилизаций», но необходимость глобального сотрудничества – вот определяющее требование мира в современных условиях. Следует уважать и оберегать многообразие мировых цивилизаций и моделей развития. Различия в историческом наследии всех стран, их культурных традициях, общественно-политическом устройстве, системах ценностей и путях развития не должны становиться предлогом для вмешательства во внутренние дела другого государства. Необходимо на основе взаимного уважения и терпимости вести межцивилизационный диалог и обмен опытом, взаимно обогащать и дополнять друг друга».

Создание ШОС, а также активизация взаимодействия среди стран БРИКС рассматриваются как попытки установить свои правила игры, по крайней мере, в зоне своих стратегических интересов каждой страны, что отмечают и Китай и Россия. Россия в зоне своих стратегиче-

12 <http://archive.kremlin.ru/events/articles/2005/06/90767/153816.shtml>

ских интересов, о чем было объявлено президентом Медведевым после нападения Грузии на Южную Осетию в августе 2008 г. использует как экономический интеграционный инструмент – ЕврАзЭС, так и военное сотрудничество в рамках ОДКБ.

Непосредственно в концепции внешней политики Российской Федерации в 2000 г. было зафиксировано положение о том, что «Россия будет добиваться формирования многополярной системы международных отношений, реально отражающей многоликость современного мира с разнообразием его интересов»¹³.

США, Запад и многополярность

Запад по разному реагировал на смену парадигмы международных отношений. С одной стороны прослеживалась четкая линия Вашингтона сохранить за собой лидирующие позиции, при этом перейдя к демократической риторике. С другой – были объективные факты и определенные тенденции.

Дэвид Кампф в статье «Появление мультиполярного мира»¹⁴ отмечает как американские интеллектуалы и политики прогнозировали тенденции и реагировали на изменение конъюнктуры:

- Историк Йельского Университета Пол Кеннеди в книге *The Rise and Fall of the Great Powers*, вышедшей в 1987 г. указал, что через 20-30 лет из-за сдвига баланса экономик изменится и баланс военной силы, что приведет к созданию мультиполярного мира к 2009 г.

- 25 декабря 1991 г. произошел распад СССР, что привело к дискуссиям об исчезновении одного полюса существующей системы и различными прогнозам.

- 2 февраля 2000 г. Госсекретарь Мадлен Олбрайт, которая ранее назвала Соединенные Штаты «незаменимой нацией», заявила, что США не хотят «установления и обеспечения соблюдения» однополярного мира. Экономическая интеграция, по ее словам, уже создала «определенный мир, который можно даже назвать многополярным».

- 26 января 2007 г. в редакторской колонке *New York Times* говорится о «появлении многополярного мира» с Китаем, который «занимает параллельное место за столом с другими центрами силы, такими как Брюссель или Токио».

- 20 ноября 2008 г. В докладе «Глобальные тенденции 2025» Национального совета по разведке США указано, что появление «глобальной

¹³ Концепция внешней политики Российской Федерации. Москва. 28 июня 2000 г. // Системная история международных отношений в четырех томах 1918–2003 / Под редакцией А.Д. Богатурова. Т. 4. Документы. М., 2004. С. 538–539.

¹⁴ Kampf, David. *The Emergence of a Multipolar World*.// *Foreign Policy*. Oct. 20, 2009. <http://foreignpolicyblogs.com/2009/10/20/the-emergence-of-a-multipolar-world/>

многополярной системы» следует ожидать в течение двух десятилетий.

- В 2009 г. президент США Барак Обама вступает в должность с тем, что многие считают многополярным мировоззрением, отдавая приоритет растущим центрам силы, таким как Бразилия, Китай, Индия и Россию. Госсекретарь Хиллари Клинтон в июле сказала, что «мы будем лидировать, включая более тесное сотрудничество между большим числом участников и уменьшая конкуренцию, сдвигая баланс от многополярного мира в сторону многостороннего мира».

- 22 июля 2009 г. вице-президент Джозеф Байден во время посещения Украины сказал, что «мы пытаемся построить многополярный мир».

Также Сэмюэль Хантингтон в издании *Foreign Affairs* в 1999 г. отмечал, что «через одно - два десятилетия наступит воистину многополярный XXI век»¹⁵.

От себя добавим, что в 2007 г. прозвучала знаменитая мюнхенская речь В. Путина и в этом же году появилось множество публикаций по многополярности. Оценки и прогнозы были разными, но во все отмечалась тенденция заката США в роли мирового гегемона. Например, издание *The Guardian* отмечало, что «вокруг этих трех полюсов - Европы, Индии и Южной Америки - можно было бы мобилизовать новые глобальные демократические настроения, которые отвергают однополярное устройство без антагонизма по отношению к США. Грядет конец американского превосходству, нравится это Вашингтону или нет. Выбор состоит в биполярной системе, в которой США сталкиваются с авторитарным и все более уверенным Китаем, или многополярным порядком, в котором США могут поделиться проблемами глобального лидерства с другими центрами демократической власти. Переход от однополярности к демократической многополярности должен быть нашим общим проектом XXI века»¹⁶.

Кроме того, были проведены исследования, посвященные структуре нового мирового порядка, множество которых были осуществлены европейскими аналитическими центрами¹⁷.

Например, для ЕС Лондонским Центром европейских реформ было разработано семь рекомендаций: 1) В экономической сфере необходимо провести реформы, направленные на усиление конкуренции, выработки новых схем по работе с мигрантами, а также либерализацию рынка энергии и обслуживания; 2) ЕС должен возглавить мировое сообщество в вопросе изменения климата, внедряя экологические технологии в развивающихся странах, убедить США присоединиться к глобальной системе, новая модель которой может быть создана к 2012

¹⁵ Huntington, Samuel. *The Lonely Superpower*.//*Foreign Affairs*, March/April 1999

¹⁶ Clark, David. Like it or not, the US will have to accept a multipolar world. *The Guardian*, 16 February 2007. <http://www.guardian.co.uk/commentisfree/2007/feb/16/comment.usa>

¹⁷ См. также две публикации, опубликованные в данном выпуске журнала «Геополитика».

г.; 3) Продолжить расширение ЕС, присоединив мусульманские страны, в первую очередь Турцию, что позволит ЕС быть более влиятельным; 4) Укрепить общие программы по вопросам политики безопасности и международных дел; 5) Улучшить кооперацию в области права и внутренних дел для борьбы с терроризмом и организованной преступности, объединив существующие службы в одно агентство; 6) ЕС должен поддерживать международное право и обновить организации глобального управления; Приоритетом должно быть создание банка урана, который под надзором МАГАТЭ перерабатывается в топливо, устранив необходимость в циклах обогащения в других странах; 7) ЕС должен вступить в конструктивное сотрудничество с другими глобальными силами, включая недемократические режимы, отдавая явное предпочтение отношениям с США¹⁸.

Финансовый кризис и новые горизонты

Финансовый мировой кризис еще раз подчеркнул тупиковость развития по неолиберальной модели. Издание Guardian перед саммитом Большой Двадцатки в Сеуле отмечало, что кризис разрушил идеологическое доминирование Запада¹⁹. Хотя определенное влияние, основанное на военной мощи, у США еще сохраняется, так как другие страны пока далеки от уровня паритета. По мнению же Пьера Балера для США все же остается единственный выход – это поиск новых творческих сил, способных справиться с системным сбоем.

Как отмечается, этот системный сбой во многом связан с финансовыми спекуляциями и паразитирующей экономикой США, которая угрожает всему миру и «поддерживает глобализацию на плаву»²⁰.

Хотя США пытается «перезагрузить» свои отношения как со своим давним партнером – ЕС, так и с Россией, Китаем, Индией и другими странами, программа продвижения либеральной демократии Вашингтона уже не работает так эффективно как прежде, доступ к дешевым природным ресурсам становится сложнее, а новые растущие центры силы все сильнее отстаивают свои политические позиции, которые также связаны и с культурной идентичностью. Поэтому вопрос еще состоит и в цивилизационной идентичности, которая не может быть одной. Также по мнению Бориса Мартынова новая, на-

18 Grant, Charles. Preparing for the multipolar world: European foreign and security policy in 2020. Centre for European Reform. London. 2007. P. 5-8. http://www.cer.org.uk/pdf/e783_18dec07.pdf

19 Pierre Buhler. The weary US titan and a new multipolar order. guardian.co.uk. 2 November 2010. <http://www.guardian.co.uk/commentisfree/cifamerica/2010/nov/02/us-america-economic-leadership>

20 Jalife-Rahme, Alfredo. Bajo la Lupa. La parasitaria economía de EU amenaza a la humanidad.//La Jornada. 7 de agosto de 2011. <http://www.jornada.unam.mx/2011/08/07/opinion/018o1pol>

рождающаяся многополярность не может быть никакой иной, кроме как цивилизационной. Он подчеркивает, что «межцивилизационное общение – это уже реальность современного мира, в котором помимо государств и наряду с ними в постоянные многопрофильные и многоуровневые международные контакты различного рода все больше вступают различные экономические и финансовые институты, негосударственные структуры, религиозные, предпринимательские, общественные объединения и, наконец, отдельные люди как представители своих цивилизационных архетипов... Кроме того, преимущество системы многополюсного мироустройства перед однополярной и биполярной, в том, что для своего функционирования она должна основываться на праве. Верность этого наблюдения очевидна на примере однополюсного мира, существующего «по понятиям» главного игрока глобальной системы. Применимо оно и к биполярности, где каждый из двух «равноответственных» субъектов стремится к обеспечению «свободы рук» в своей зоне влияния, невзирая ни на какое международное право. Однако для взаимодействия нескольких крупных игроков, обладающих примерно сопоставимой мощью и влиянием, право необходимо для того, чтобы обеспечивать между ними разумный *modus vivendi*. Это тем более применимо к такой сложной системе, как цивилизационная многополярность»²¹.

Кроме того, как отметил Тьерри де Монбриаль, связывая понятие многополярность с еще двумя – разнородность и глобальность, признание мира многополярным влечет за собой ряд серьезных понятийных последствий²². Поэтому элементы новой доктрины для международного сотрудничества предстоит еще серьезно разрабатывать на ряде платформ – дипломатической, научной, культурной и согласовывать их посредством широкого диалога в международном экспертном сообществе.

21 Мартынов, Борис. Многополярный или многоцивилизационный мир?// Международные процессы. Том 7.

Номер 3 (21). Сентябрь–декабрь 2009. <http://www.intertrends.ru/twenty-first.htm>

22 Монбриаль де, Тьерри. Мир стал многополярным, разнородным, глобальным.//Международные процессы. Том 7. Номер 3(21). Сентябрь–декабрь 2009. <http://www.intertrends.ru/twenty-first/006.htm>

Многополярность, становящаяся «многосторонней»

Альваро де Васконселос

Раймон Арон однажды приехал в Лиссабон, чтобы принять участие в ряде конференций и дать несколько интервью. Это было в 1980 г., задолго до того, как Гласность и Перестройка внезапно появились в лексиконе международных отношений – в то время, когда мир всё ещё отходил от первого нефтяного кризиса. Арон выступил с выдающейся речью о новых проблемах международной системы. Уже тогда Арон утверждал, что биполярная система, казавшаяся тогда бессмертной, вскоре не будет в состоянии обеспечивать приемлемую основу интерпретации мировых конфликтов, что две суперсилы не смогут бесконечно сдерживать – не говоря уже о том, чтобы решать – «периферийные» кризисы и войны, такие как ирано-иракская, которая тогда только началась. Он дал понять, что энергетическая зависимость, особенно – зависимость от нефти, *lesangdesmachines*, была, по его мнению, слишком велика.

После 1989 г. было предложено множество теорий, трактовавших эпоху, наступившую после «Холодной войны», пытавшихся объяснить все аспекты реальности международных отношений экономикой. Большинство этих упрощенческих объяснений пользовалось недолгой популярностью, изредка пересекаясь и расходясь друг с другом. Теории развивались: от тех, которые исходили из интерпретации силы (например, идея мировой гегемонии одной суперсилы) – к основанной на идеологии теории «конца истории» – которая включает в себя экономический вариант, утверждающий, что глобализация уничтожит любую альтернативу неолиберализму, затем – к неоконсерваторской доктрине одностороннего военного господства, провозглашающей неизбежную победу Марса. Это было отражено на Юге мессианскими теориями, которые были в равной степени идеологически окрашены. Тогда понятия, связанные с культурой, позволили им возникнуть, вдохновлённые доктриной «Столкновения цивилизаций», которая пытается объяснить конфликт культурными различиями, предлагая антагонистическую парадигму – демократия против недемократии, в которой первой является монополия Запада.

Как показывает XXI век, мир гораздо более сложен, чем Раймон Арон мог предполагать тридцать лет назад. Ни одна из этих теорий не подтвердилась историей, которая упорно отказывается заканчиваться. При этом, теперь есть значительно большее количество акторов (отличающихся от традиционных – т.е. от наций и государств), которые формируют мировую систему, и по сравнению с ними даже суперсилы уже не так мощны

и влиятельны, как были раньше. Всемирная взаимозависимость – то, что сейчас принято называть «глобализацией» – позволила появиться ряду сетей, от защитников прав человека до организованной преступности, усиливая ощущение, что глобальный мир плюралистичен.

Для того чтобы оставаться верным самому себе, своей уже сформированной цели создания лучшего мира, ЕС необходимо чётко и ясно понимать сложный современный политический ландшафт, в котором он сам является важным игроком. Европейскому Союзу необходимо установить действительно глобальные перспективы, отражающие его действительно огромное разнообразие и отвечающие ожиданиям ЕС во всём мире. Это – необходимое условие для многостороннего порядка, способного справиться с планетарными вызовами и предотвращать возникновение опасных поляризационных трещин.

Рождающаяся многополярность

После падения Берлинской стены одной из наиболее часто встречающихся тем для обсуждения в учёной среде стал поиск парадигмы, которая бы охватывала оба способа распределения власти между государствами и другими игроками международных отношений, а также неразрешённые к тому времени конфликты, которые возникли тогда или остались со времени «Холодной войны». Эти дебаты сплетены, а иногда – неразличимы с обсуждением форм управления миром, наиболее подходящих для защиты мира и безопасности, и обращаются к крупнейшим вызовам, направленным против человечества.

То, что многополярный мир возникнет из пепла «Холодной войны», при этом отвергая всё чаще подвергаемое сомнению превосходство Америки, было ясно ещё Полу Кеннеди¹, который сконструировал мир, стоящий на четырёх колоннах экономической мощи Соединённых Штатов, Европейского Союза, Японии и Китая, при этом России отводилось особое место, благодаря её стратегическому арсеналу, обеспечивающий ей статус «ядерной суперсилы».

В эйфорических 90-х гг. мощь и превосходство Соединённых Штатов, однако, ещё не оспаривались, во всяком случае, при сравнении с возможными конкурентами. «Сверхсила» Америки, по выражению Юбера Вердина в конце эры Клинтона, была всё ещё способна управлять «однополярным» миром при помощи того, что было позже названо «мягкой гегемонией»². Этот редкий и исключительный момент, который длился в течение большей части времени правления Джорджа Буша-старшего и Билла Клинтона, существовал в одно время с новой волной регионализ-

1 Paul Kennedy, *The Rise and Fall of the Great Powers* (New York: Random House, 1987).

2 Helio Jaguaribe and Álvaro de Vasconcelos (eds.), *The European Union, Mercosul and the New World Order* (London: Frank Cass, 2003).

ма, распространившегося в каждый уголок мира, и в которую Соединённые Штаты были также вовлечены, хотя и исходя из своих собственных соображений. Многие учёные и политики полагали тогда, что наступает эра мировой системы, чьей основой становятся региональные группировки большего или меньшего размера, сформированные приблизительно по образцу Европейского Союза³. В наиболее новаторских на сегодняшний день исследованиях Джозеф Най убедительно доказывает, что вне экономической и военной мощи, в информационный век, «soft power» – сила очарования, способность вызывать симпатию у других – более важна в структуре компонентов государственной власти⁴. Военная мощь, основной инструмент биполярного мира, больше не является тем определяющим фактором в обеспечении гегемонии и доминирования.

Что является новым и характерным для XXI в., так это растущее осознание того, что мы живём в многополярном мире, хотя при этом и очень по-разному понимается то, как сила – как «soft», так и «hard» – распределена в мире. Эра, наступившая после «Холодной войны» входит в фазу, которая характеризуется появлением новых глобальных игроков, активных далеко за пределами своих границ. В действующей международной системе американской «hard power» и европейской «soft power» больше недостаточно для противостояния большинству глобальных проблем, даже в сфере мира и безопасности, при этом необходимость в сбалансированных решениях этих проблем остаётся.

Термин «многополярность», таким образом, обращается к разнообразию глобальных акторов, ограничивающих мощь американской суперсилы, и суперсилы других «полюсов», таких как ЕС. Если говорить конкретнее, он обращается к росту Китая и усиливающейся Индии, к возрождению России и увеличению важности таких игроков как Бразилия – особенно в сфере международной торговли. В Бразилии, которая относится к государствам огромного размера, принято считать, что её статус глобальной державы обуславливается её способностью возглавить объединённую Южную Америку.

Доля мировых богатств Соединённых Штатов уверенно снижается. Что более важно, это происходит параллельно процессу отрицания привлекательности американской модели – феномену, который стал особенно очевидным после вторжения в Ирак в 2003 г. Это сопровождалось явной эрозией американской репутации блюстителей прав человека, которая символизировалась в глазах всего мира самоуправными арестами и бесчеловечным обращением подозреваемых в тюрьме Гуантанамо. Объективная оценка позиции мировой общественности демонстрирует устойчивый спад

³ См. Mario Telò (ed.) *European Union and New Regionalism* (Alder-shot: Ashgate, 2001).

⁴ Joseph S. Nye, *Soft Power: The Means to Success in World Politics* (New York: Public Affairs, 2004)

одобрения действий Соединённых Штатов среди европейцев и, конечно, во многих других частях света, и показывает, что это напрямую связано с протестами против политики Соединённых Штатов и их использования силы (те же данные указывают также на то, что это лишь незначительно влияет на отношение к американцам как таковым). The Pew Global Survey выяснил, что после войны в Ираке имидж Соединённых Штатов ухудшился практически везде. Он остаётся «ужасным в большинстве мусульманских стран на Ближнем Востоке и в Азии, и продолжает ухудшаться в обществах стран, относящихся к старейшим союзникам Америки. Если обратиться к цифрам, благосклонное отношение к Соединённым Штатам в Турции упало до однозначного числа (9%) и снизилось до 15% в Пакистане. В настоящее время только 30% немцев положительно относятся к Соединённым Штатам – по сравнению с 42% ещё только два года назад, а в Великобритании и Канаде положительные рейтинги падают ещё ниже⁵». Будучи преимущественно связанным с политикой, отношение к Соединённым Штатам может, конечно, резко измениться во время правления Обамы.

Если измерять силу основных мировых игроков просто долей ВВП в паритете покупательной силы (ППП), к ним относятся следующие: Европейский Союз (21,95%), Соединённые Штаты (21,06%), Китай (10,7%), Япония (6,57%), Индия (6,17%), Россия (2,69%) и Бразилия (2,58%). Асимметрия богатства и экономической мощи, особенно с учётом количества населения, бросается в глаза. Если рассматривать возможности военной и стратегической мощи, Соединённые Штаты, однако, всё ещё уверенно лидируют – хотя пределы военной мощи Соединённых Штатов и начали становиться видными перед вторжением в Ирак. Из укрепляющихся мировых сил Китай был особенно заметен в последние несколько лет в наращивании военной мощи. В 2006 г. военные расходы Китая составляли 49,5 миллиардов долларов, что на 11,7% больше, чем годом ранее, когда они превысили вдвое данные за 2000 г⁷. Министерство обороны Соединённых Штатов оценивает расходы Китая, связанные с вооружениями за 2007 г. примерно в 97-139 миллиардов долларов⁸. Это, однако, всё-таки скромная сумма по сравнению

⁵ См. 'Views of US and American Foreign Policy', 47-Nation Pew Global Attitudes Survey, Rising environmental in 47-Nation Survey – Global Unease with Major World Powers, June 2007, доступно по адресу: <http://pewglobal.org/reports/pdf/256.pdf>

⁶ Share of GDP in PPP terms. Источник: CIA Factbook, 2008, доступно по ссылке: <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/xx.html>. Тем не менее, если измерять номинальный ВВП, к основным силам относятся: Европейский Союз (30,71%), Соединённые Штаты (24,95%), Япония (7,4%), Китай (6,47%), Россия (2,58%), Бразилия (2,52%) и Индия (2,17%). Источник: IMF World Economic Outlook Database, October 2007, доступно по адресу: <http://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2007/02/weodata/index.aspx>.

⁷ См. SIPRI Military expenditure database по адресу: http://first.spiri.org/non_first/milex.php.

⁸ См. Annual Report to Congress: Military Power of the People's Republic of China 2008, Office of the US Secretary of Defense, Washington, March 2008, p.32.

с данными по Соединённым Штатам (более 528 миллиардов долларов в 2006 г., что составляет почти половину мировых) и общими данными обороны ЕС, на которую потрачено 250 миллиардов долларов. В 2006 г. расходы остальных основных мировых сил составляли: 43,7 миллиардов долларов в Японии, 37,7 миллиардов долларов в России, 23,9 миллиардов долларов в Индии и 13,4 миллиардов долларов в Бразилии⁹

Исследования расстановки сил в современном мире, основанные на сравнении военной мощи – основа однополярной и биполярной доктрин – во всех отношениях плохо адаптированы к миру, в котором доминирует экономическая глобализация, информационное общество и зарождающееся публичное пространство на региональном и глобальном уровнях, что дополнительно морально усиливает международное гуманитарное право. Таким образом, «глобальные» ограничения накладываются на использование военной силы, которая и так уже строго контролируется внутренним общественным мнением, враждебным к высылке военных сил на крупномасштабные войны за границу.

Интеграция в мировую систему, вместе со статусом мировой силы, включая ключевой аспект диктовки повестки дня, сегодня основываются не только на военной силе и возможности ею воспользоваться, но в большей степени – на возможности содействовать устойчивому развитию человечества. Это ставит государства перед необходимостью соотносить собственное стремление к обретению статуса мировой державы с требованиями взаимозависимости и с важностью элементов «soft power». Роберт Каган смеялся над силой Европы¹⁰, ошибочно принимая предпочтения ЕС принципов многосторонних отношений и «soft power» за слабость. Как бы то ни было, как заметил Пьер Хасснер, хотя Каган определённо прав в том, что оценивал действующую военную мощь и возможности Соединённых Штатов значительно выше, чем таковые ЕС, он ошибся в том, что определял лидерство и могущество через военную мощь и готовность применить её без остатка, «как грустно и более чем убедительно показала суровая действительность – начиная с Афганистана и заканчивая Ливаном и Ираком»¹¹.

Развитие с сознанием необходимости защиты прав человека сквозь границы, сопровождавшееся экономической и технологической глобализацией, вместе с требованиями защиты окружающей среды и согласием с принципами многосторонности международного поведения, стало

⁹ SIPRI Military expenditure database, в цитируемой сноске 7 работе

¹⁰ См. Robert Kagan, *Of Paradise and Power: America and Europe in the New World Order* (New York, Knopf, 2003).

¹¹ Pierre Hassner, 'L'Union européenne face à la multipolarité et au multilatéralisme', *Esprit*, May 2007.

основой популярности европейской модели. Общая привлекательность социальной модели вместе с экономической мощью дают Европе огромные возможности «soft power». Европа всё ещё продолжает набирать вес на международной арене. Двух атрибутов власти по Джозефу Наю¹², которыми обладают Соединённые Штаты и которые будут необходимы Европе в случае, если она собирается действовать решительно при решении серьёзных международных проблем, ей всё ещё не хватает – единства и военной мощи. При этом если рассматривать общий эффект этих атрибутов власти, среди которых привлекательность модели, ценности и публичная дипломатия, включая многосторонний уровень, представляют собой важные величины, становится очевидным, что ЕС является мировым игроком на тех же основаниях, что и остальные.

Европейский Союз: «рассеянная» опора глобальной системы

Европейский Союз, безусловно, является мировым игроком, но точное определение его роли выходит за рамки традиционных понятий. ЕС, с точки зрения его уникальности, нельзя прямо сравнить с любым другим мировым игроком. Как и у других, его сила в то же время представляет собой то, как эта сила и рамки её применения понимается другими игроками. Вне всяких сомнений, ЕС до сих пор страдает от нехватки признания в качестве политического актора, при этом пользуясь полным набором традиционных атрибутов власти. Он часто игнорируется как всего лишь «беззубая» гражданская сила и, наоборот, обличается как традиционная суперсила, благодаря тому, что отваживается на расширение пространства своей безопасности при помощи своих структур Общей внешней политики и политики безопасности/Европейской политики по обороне и безопасности. Эти образования в то же время часто становятся причиной тому, что ЕС часто рассматривается как безопасная сила, и проблема здесь в том, что он воспринимается как структурно слабая сила во благо. Строго обратное происходит, когда ЕС обвиняется в том, что он прибегает к позиции силы в политике, при этом, не внушая достаточного почтения и уважения. Это, несомненно, один из парадоксов попыток ЕС положить начало эффективной политики многосторонности. Парадокс усугубляется признанием (ещё не осуществлённым самим ЕС) того, что Союз одновременно является и большей частью, и незаменимым творцом мирового порядка.

Внутренние дебаты по поводу Европейской мощи (Europepuissance) или Экономической Европы (Europeaspace) не могут охватить весь потенциал ЕС в мировой системе. ЕС никогда не станет военным «полю-

¹² Joseph S. Nye, Bound to Lead: The Changing Nature of American Power (New York: Basic Books, 1990).

сом» вместо Соединённых Штатов – не столько потому, что не обладает для этого необходимой мощью и способностью ей воспользоваться, сколько потому, что не захочет. Не регрессирует он и обратно к «широкому рыночному пространству», как было до Общей внешней политики и политики безопасности, не будет ограничиваться скромной ролью лидирующего экономического игрока, лишённого даже полной силы гражданской власти. Так как континентальная экспансия через расширение ЕС усовершенствована, а потенциал глобального мира полностью реализован и эксплуатируется, эти во многом бессмысленные дебаты будут постепенно сворачиваться, и ЕС чётко и последовательно станет утверждать свою международную идентичность – уже не в контрасте и не бок о бок с Соединёнными Штатами, а по отношению ко множеству основных международных игроков.

Это будет достигнуто, однако, при том неблагоприятном контексте, что высказанные в 1990 г. надежды и прогнозы, что модель глубокой интеграции Европейского Союза будет перенята на других континентах, всё ещё не оправдались. Мы ближе к миру власти, чем к миру регионов: это то, что слово «многополярность» на самом деле означает сегодня. После того как новые силы возникли, их стремление обрести большее влияние в мире также увеличилось, часто – в ущерб попыткам добиться региональной интеграции. При этом такое положение вещей сосуществует в сегодняшнем «глобальном» мире, в век взаимозависимости, с общим осознанием того, что к огромному – большему, чем когда-либо – числу тем в так называемой глобальной повестке дня можно обращаться только через общие – всемирные – усилия, предусматривающие международные стандарты и глобальное управление.

Союз искренне заинтересован в том, чтобы играть значительную глобальную роль. Его интеграционная модель представляет собой наиболее прогрессивную форму многосторонности, и его опыт наделяет её глобальной целью. Природа Союза такова, что его выживание зависит от развития международной системы, основанной на нормах и правилах. При повторении системы Баланса сил, сколько времени понадобилось бы ЕС, чтобы развалиться под давлением столкнувшихся однополярных систем? Утомительные разногласия по поводу Ирака и – в меньшей степени – по поводу Косово и Палестины, это наглядно показывают. В глобальной системе, управляемой нормами и правилами, Союз может играть главную роль в преследовании собственных интересов и, тем самым, позволяя избегать основанной на силе системы, при которой он может добиться немногим больше, чем дополнительная роль при Соединённых Штатах. К тому же современная международная ситуация, в которой вопросы развития превалируют над основными соображениями

новых глобальных сил, соотносится с природой гражданской власти ЕС и является благоприятной для того, чтобы он выступил более уверенно в роли мирового лидера.

Новые глобальные акторы воспринимают ЕС по-разному. Для некоторых – как, например, для Китая и Бразилии – Союз представляется глобальным политическим актором, чья важность выходит за рамки сферы торговли. Бразилия и Китай, исходя из разных соображений, приветствуют Европу, играющую более инициативную роль в международных отношениях, обеспечивая большую сбалансированность и альтернативу слишком уж особенным отношениям с Соединёнными Штатами. Тем не менее, оба предпочитают видеть в Союзе в первую очередь и в большей степени экономическую силу, и, следовательно, союзника в продвижении целей, связанных с экономическим развитием – несмотря на то, что разногласия между Союзом и его партнёрами с Юга в рамках ВТО являются общеизвестными.

Политическая элита Китая рассматривает Европейский Союз как основную политическую силу¹³ и привлекательного партнёра, особенно в вопросах сотрудничества в сферах науки и технологий, и поэтому – как основного партнёра на пути к достижению прославляемой цели «мирного строительства Китая»¹⁴ через экономическое развитие. Бразилия, внешняя политика которой традиционно считается двигателем экономического развития, также рассматривает Союз как очень важного экономического партнёра и ресурс, стимулирующий развитие региональной интеграции. Индия, где среди внешнеполитических элит принято воспринимать Союз в основном как торгового игрока, довольно скептически относится к предполагаемой возможности ЕС играть значимую роль в политике и безопасности, особенно когда речь идёт об Азии. Взгляды на Европейский Союз российского правительства, задумывающегося о статусе России как европейской силы, довольно неоднозначны. ЕС, несомненно, является высоко ценимым экономическим партнёром, особенно если речь идёт об энергетическом секторе, в котором взаимозависимость между Россией и остальной Европой возрастает¹⁵. Москва, однако, не вполне довольна идеей ЕС играть более значимую политическую роль в общем соседстве. Так как это рассматривается как угроза собственным амбициям российским правительством, оно перестало рассматривать ЕС как действительно мягкую силу, и уже не приветствует развитие ЕС в качестве полноценного международного актора в сфере безопасности¹⁶.

¹³ См. Feng, p. 80

¹⁴ Этот термин был придуман Чженем Бицзяном (Zheng Bijian), бывшим советником Президента Ху Цзиньтао. См. Mark Leonard, *What Does China Think?* (London: Fourth Estate, 2008).

¹⁵ См. Trenin, p. 136.

¹⁶ См. Fischer, p. 117

Другая сложность, возникающая в рамках внешнего восприятия ЕС – то, что его часто путают (в лучшую сторону или в худшую) с его странами-членами, бывшими колониальными империями, в частности. Сильная национальная идентичность ряда европейских сил одновременно и стесняет, и усиливает ЕС как международного актора. Тесные двусторонние связи играют роль посредника идентификации для третьих стран в контактах с Европейским Союзом. Это было действительно так со странами Латинской Америки, когда Португалия и Испания вошли в Европейское Сообщество. Как бы то ни было, внешнеполитические инициативы отдельных государств-членов, выбивающиеся из мейнстрима ЕС, могут негативно отразиться на ЕС в целом. Это, в частности, можно сказать о вопросах мира и безопасности, разногласия в которых наиболее негативно влияют на международную идентичность ЕС и на то, как она воспринимается остальными.

Для ЕС сейчас крайне актуален тот факт, что «внутреннее» является не в меньшей степени и «внешним». Своей «soft power» ЕС обязана в значительной степени магнетической привлекательности собственной многосторонней интегрированности, построенной на принципе «единства противоположностей». Такая модель не уцелеет при культурном/религиозном определении идентичности ЕС. В этой связи ЕС сейчас необходимо доказать, что он в состоянии интегрировать в себя сообщества мигрантов, а частности, приехавших из стран, в которых большинством населения являются мусульмане. Мир крайне внимателен к тому, насколько ЕС способен интегрировать в себя Турцию, так же как к умению ЕС сформулировать позитивный подход к миграции¹⁷.

Как бы то ни было, можно согласиться с мнением Целсо Лафера, что, с точки зрения жителей разных частей света, «европейский опыт консолидации в целях мира и процветания на принципах закона является, по Канту, признаком возможного прогресса для человечества. Благодаря своей политической идентичности, своему всемирному влиянию, Европейский Союз является силой, борющейся за мир, права человека, дипломатию и многосторонность. Вот почему ЕС можно назвать международным общественным добром»¹⁸.

ЕС – региональная или глобальная сила?

Благодаря экспансии на Восток, с учётом переговоров с Турцией, Союз не только обладает общей границей и соседством с Россией, но также приближается к Центральной Азии – и таким образом продвигается ближе к Китаю и Индии. В этой связи, контакты с БРИК, и в част-

¹⁷ См. Ummu Salma Bava, p. 112

¹⁸ CelsoLafer, 'The European Union – an international public good', Issues, EUISS Newsteller, no. 24, November 2007

ности – с азиатскими силами – необходимы для стабильного соседства расширенного ЕС. Это реальность, которую чётко осознаёт Россия и которую индийцы и китайцы, всё ещё выдающие Европу преимущественно региональным игроком в сфере безопасности, ещё должны осознать. Слабость политического влияния Европы в Азии (в отличие от её вездесущности в торговле и инвестировании) в сильном контрасте с ощутимым присутствием там США частично объясняет его имидж региональной силы в Индии и Китае.

Индия внимательно относится к невовлечённости Европы в цепь конфликтов, растянувшихся вдоль её собственных длинных границ. Бразилия и вся Латинская Америка вообще в целом более чувствительны к самостоятельности Европы как полноценного международного актора – и не только в рамках Всемирной Торговой Организации. Дни, когда Европа была вовлечена в миротворчество в Центральной Америке¹⁹ ещё не совсем забыты, как и попытки выстроить двусторонние межрегиональные стратегические отношения, основанные на «Соглашениях Третьего поколения» с МЕРКОСУР (вдохновлённый ЕС субрегиональный интеграционный процесс, высоко ценящий «европейскую модель»), Андским Сообществом или Проектом Южноамериканского Сообщества. Попытки продвижения демократии со стороны ЕС были предприняты серьёзнее, чем где-либо: американские страны сделали уникальные предложения, например, приветствуя поправки об условиях со стороны ЕС в соглашениях, регулировавших двусторонние отношения.

Вес и особая роль главных игроков – таких как Индия и Китай, основных азиатских сил рядом с Японией и Россией (и с Соединёнными Штатами) в формировании международной системы должны быть полностью приняты во внимание, вне зависимости от их нынешнего восприятия международной идентичности ЕС. Понимание части ЕС этой очевидной реалии ясно показана в рекомендации о стратегическом партнёрстве, которая содержится в документе Соланы 2003 г. Среди них Индия и Китай – обладающие ядерными силами – представляют более трети человечества, это тенденция, которая только усилится к середине и концу этого столетия. Их восприятие ЕС как значимого глобального игрока наряду с США будет всё больше зависеть от того, каким образом ЕС станет садиться на «пустой стул» в Азии.

Индия до сих пор явно более сконцентрирована на Азии, нежели на глобальном мышлении, вероятно, потому что сама Азия рассматривается в Индии как многополярный континент. Объясняя, почему Европа была полностью исключена из анализа сил, интересующих Азию, Маха-

¹⁹ Самым первым успехом внешней политики и политики безопасности *avantlaetter* (ЕПС, Европейское Политическое Сотрудничество) в начале 1980-х годов был «Диалог Сан-Хосе», действующий поныне, сыгравший важную роль в восстановлении мира в Центральной Америке.

раджакришна Расготра откровенно заявляет, что «Европа едва ли сможет стать сильным фактором в возродившейся Азии. В лучшем случае роль Европы в Азии в обозримом будущем ... может стать второстепенная роль поддержки Соединённых Штатов»²⁰.

Так или иначе, принимая во внимание важность вопроса периферии ЕС в повестке дня, в частности, расширения средиземноморского соседства, можно сказать не только, что продвижение ЕС в сторону Ирака и Ирана будет способствовать увеличению его роли в качестве стража безопасности, но и что вовлечённость Китая (что с болезненной ясностью было показано в Дарфуре) и Индии окажется в таком случае необходимым. Обе эти азиатские силы проявляют всё стремительнее растущий интерес не только к Африке (например, дипломатические встречи, организованные китайцами и индийцами, как сотрудничество Китая и ЕС в Африке), но всё шире и в Средиземноморье и в других частях европейской периферии.

Большинство проблем, с которыми сталкиваются соседи ЕС, в действительности являются глобальными проблемами – и требуют глобальных ответов. Дела определённо обстоят именно так в вопросе палестино-израильского конфликта, в иранском вопросе, в вопросах, которые особенно часто обсуждаются в Совете Безопасности Соединённых Штатов, в вопросах о важности роли Ближнего Востока и Кавказа в решении проблем энергетической безопасности – во всех тех главных вопросах, которые тревожат всех глобальных игроков. В общем, для того, чтобы ЕС стать мировой силой, ему для начала нужно стать силой регионального масштаба, учитывая природу и место, которое занимает его окружение. Важно иметь в виду, что наиболее важным вкладом ЕС в дело мира стала консолидация большого пространства мира и демократии, простирающегося от Португалии до российских границ. Возможное расширение этого пространства – через включение без полноценного членства – на Юг и Восток, несомненно, значительно повлияет на мировой порядок.

Многосторонность и многополярность – далеко не синонимы

Важно различать многополярность и многосторонность. Первый термин означает способ распределения власти на мировом уровне, второй – то, как на эту реальность нужно воздействовать, другими словами – то, как такая власть должна использоваться и к чему вести. Многополярность заявляет о более сложной международной системе,

²⁰ См. Maharajakrishna Rasgotra (ed.), *The New Asian Power Dynamics* (New Delhi: Sage Publications, 2007), p. 11.

согласующейся с сегодняшним распределением власти в мире, а также о способе усиления и сдерживания и того, и другого глобальной взаимозависимостью.

Когда многополярная система преобладала в Европе XIX в., само собой, она была сформирована благодаря существованию государств, основной заботой которых было сохранение баланса сил – которые были в значительной степени симметричными – между ними²¹. Система Баланса сил, которая преобладала в первой половине XX в. не предотвратила – и, более того, не могла предотвратить – начало крупномасштабной войны, когда был явно нарушен баланс. Две мировые войны наглядно показывают истинность этого.

Факт остаётся фактом – лидеры стран во многих частях света, включая Европу, придают большое значение многополярности, утверждая, что многополярный баланс сил и, в частности, как следствие, создание альянса, будет работать в качестве противовеса силе США. Так считают Китай и Россия, которые сделали несколько совместных заявлений с призывами к многополярному миру²². Им важно оспаривать то, что они называют американской гегемонией на основании того, что китайцы называют политикой «гармоничного мира», а русские – «современной демократией»²³. В Индии, где видение международного распределения власти исходит почти полностью из соображений международной безопасности, многие всё ещё довольно консервативно рассматривают мир как однополярный «с признаками многополярности, в котором... Соединённые Штаты Америки диктуют глобальную конъюнктуру»²⁴. Индия хочет укрепить своё положение на глобальной арене и предполагает, что её новый стратегический альянс с США «может помочь в этих поисках»²⁵. А в Бразилии мир рассматривается как уже становящийся многополярным, хотя и ассиметричным несправедливым образом, особенно в отношении распределения мировых богатств. В равной степени к ослаблению многосторонности приводит неравная представленность в институтах глобального управления²⁶. По словам Марко Аурелио Гар-

²¹ См. Raymond Aron, *Paix et guerre entre les nations* (Paris: Calmann-Lévy, 1962, 1984).

²² «Россия и Китай поддерживают многополярность, справедливый и демократический мировой порядок, основанный на общепризнанных принципах международного права», - заявили президенты Владимир Путин и Ху Цзиньтао в совместном выступлении, CNSNews.com, 28 May 2003.

²³ См. Trenin, pp. 141-43.

²⁴ Foreign Service Institute, Government of India, *India Foreign Policy, Challenges and Opportunities* (New Delhi, Academic Foundation, 2007).

²⁵ S. Jaishankar, 'India and USA: New directions', *Ibid.*, p. 788.

²⁶ См. Celso Amorim: 'Brazil's Multilateral Diplomacy', подготовленные замечания Министра иностранных дел Бразилии на Второй Национальной Конференции по Внешней Политике и Международным Отношениям, Бразилия, 5 ноября 2007 года, доступные по ссылке: http://www.mre.gov.br/ingles/politica_externa/discursos/discurso_detalhe3.asp?ID_DISCURSO=3219

сия, «до тех пор, пока новое глобально управление и сопровождающий его многополярный порядок не будут объявлены, узкие группировки, вроде G8, будут преуспевать»²⁷. Как предполагает Жан-Мари Гуэнно, международная система не может находиться под «неограниченным господством США, как и основываться на идее стремления к независимости и суверенитету как к исключительной цели политического субъекта»²⁸.

Шанхайская Организация Сотрудничества, основанная в 2001 г., объединяющая вместе Китай и Россию, а также страны Центральной Азии, не только представляет собой важный фактор в создании рамок для сотруднических отношений двух великих сил для борьбы с вызовами на своих границах. У неё также есть направление в сторону борьбы за баланс сил, в которой она служит платформой для противостояния тому, что, по крайней мере, некоторые из её членов рассматривают как «угрозу стратегической и философской однополярности в международных отношениях»²⁹. Такой тип соглашения показывает возможность возникновения альянсов, характерных для системы Баланса Сил в контексте нового многополярного мирового порядка.

Европейцы должны прийти к единому видению, что стало очевидным во время иракского кризиса. Некоторые до сих пор предпочитают американское господство и видеть мир однополярным, воспринимая аргументы в пользу многополярности как подрывающие схему Баланса Сил для того, чтобы противодействовать и, в конечном счёте, сковывать США. Внутри ЕС дебаты о понимании мира как однополярного или как многополярного поэтому в большей степени являются дебатами о природе отношений с США, принимает ли это форму автоматической ориентации или меры воздействия на США через коалиционную стратегию³⁰. Иракский кризис, однако, показал, что и однополярный выбор британцев равняться на США, и многополярная политика Жака Ширака, направленная на коалиционное строительство для ограничения силы США, были одинаково бессильны повлиять на администрацию Буша и, более того, сильно повлияли на разобщённость в Союзе. Безусловно, имей ЕС возможность говорить в один голос на Совете Безопасности ООН, он бы определённо обладал большим влиянием и – возможно – смог бы предотвратить иракскую войну и её катастрофические последствия.

²⁷ См. Garcia, p. 53.

²⁸ Jean-Marie Guéhenno, 'The Impact of Globalisation on Strategy', Survival, winter 1998-99.

²⁹ Alyson J. K. Bayles et al, 'The Shanghai Cooperation Organisation', SIPRI Policy Paper, No. 17, SIPRI, Stockholm, May 2007.

³⁰ См. Álvaro de Vasconcelos, 'Back to the future? Strengthening EU/Mercosul Relations and Reviving Multilateralism', Chaire Mercosur, Sciences Po, Paris, 2004.

Новые глобальные игроки открыто признают, что многосторонность может возникнуть только из многополярности, то есть из сбалансированной расстановки сил для предотвращения односторонних попыток к доминированию. Так это или нет, факт остаётся фактом, ЕС не может охранять сферу силовой политики на мировом уровне, имея нелегитимную власть на европейском континенте. Влияние Союза, как лишний раз показывает это исследование, будет серьёзно зависеть от его способности придерживаться своих первоначальных принципов и ценностей на международной арене, последовательно применять их внутри себя и формировать глобальную повестку дня, в которой они будут служить примером. Модели международных отношений, которые чужды опыту европейского строительства – другими словами, однополярность (или её варианты) – не могут объединить страны-члены Союза и нуждаются в необходимой поддержке европейского общества. ЕС ничего не приобретает, но теряет всё, принимая участие в мировых событиях, которые управляются играми сил, и среди которых он – один из нескольких соревнующихся игроков. Если он хочет сказать своё слово в мировой политике сегодня, ЕС должен работать в пределах системы, управляемой нормами и правилами. ЕС нужен мир, который управляется эффективной экономической многосторонней системой, если он собирается оказывать влияние.

Это значит, что ЕС хочет видеть сильные международные организации, особенно занимающиеся основами мира и безопасности, чья деятельность направлена на общее согласие режимов бороться с глобальными проблемами. Это естественным образом влечёт за собой то, что нарушение общепринятых норм не должно оставаться безнаказанным, а схемы управления должны быть освобождены от постоянных парализующих его – как это было во время «Холодной войны» – вето. Это также означает, что ответственность должна быть в равной степени распространена, и что мировые силы должны быть готовы её честно разделить.

Существует задача и, некоторые скажут – крайняя необходимость – действующим и стремящимся стать таковыми мировым силам прийти к согласию в вопросах устойчивого развития человечества, включая вопросы защиты гражданского населения, и так – к действительно настоящей многополярной системе. Очевидно, что военные конфликты не исчезли окончательно с лица Земли, не исчезнут они сразу и несмотря на их согласованные действия. Но всё более очевидно, что наихудший сценарий – исключая возможность серьёзных ошибок в расчётах и неудач в дипломатии – это уже, возможно, больше не один из военных конфликтов между «великими силами», будь он настоящим или вымышленным, а, скорее, такое «мирное соревнование». В этом смысле парадигма без-

опасности, которая доминировала во время биполярной эры «Холодной войны», утратила свою актуальность. Мировой войны в обозримом будущем не будет. Все конфликты – хотя и жестокие, хотя и болезненные, хотя и стоящие человеческих жизней и ресурсов – являются периферийными и проходят на окраине международной системы. Не потому что в них не включены и не будут включены мировые силы (например, Ирак, Кашмир), но потому что они не могут быть прямо или косвенно губительными для них, как было бы в случае, когда чрезмерная самоуверенность вырождается в обречённое на провал применение силы. Более того, современные войны, в большинстве своём, уже не являются межгосударственными конфликтами, даже когда в них прямо вовлечены два или более государства, а чаще бывают войнами против гражданского населения. Асимметрия боевых операций, кстати, является часто следствием этого факта.

В этом контексте определяющим фактором в весе глобального игрока представляется не только способность бороться с другими, но и всё больше – умение обеспечивать безопасность и благосостояние для своих жителей и остальных, обращаясь к глобальному направлению тех же нужд. Разделительная полоса между внутренним и внешним измерениями политики всё больше размывается. Это верно не только для Европейского Союза, но и для всего мира.

Формирование универсальной концепции эффективной многосторонности

Так как многополярный мир возникает тогда, когда многосторонняя система явно демонстрирует признаки растущей слабости, ЕС необходимо признать, что международное распределение власти слишком изменчиво для того, чтобы гарантировать установление «специальных» отношений с амбициозными мировыми игроками, в то же время фокусируясь на основной цели – содействию глобального и регионального управления и «эффективной многосторонности». Под этим, как проясняют творцы политики, причастные к Европейскому Союзу, включая Европейскую Стратегию Безопасности, подразумевается, что многосторонность должна стать посредником между международным сообществом и основными глобальными и региональными проблемами. Эффективная многосторонность, следовательно, представляет собой систему, созданную для того, чтобы позволить государствам, формирующим мировое сообщество, действовать сообща в борьбе с вызовами, в снятии и решении проблем. Это – не инструмент взаимного сдерживания, влекущего за собой паралич. В том, что касается мира на планете, что подчёркивается в ЕСБ, Европейский Союз

хочет, чтобы «международные организации, режимы и договоры были эффективными в борьбе с угрозами международному миру и безопасности и, значит, были готовы действовать в условиях, когда их правила не соблюдаются»³¹.

Эти слова, так же как и концепция «эффективной многосторонности» отсылает к понятию «положительной многосторонности», озвученному в 1990-х гг, во время успеха нового мирового порядка Джорджа Буша-старшего, начиная с окончания «Холодной войны» и заканчивая легитимизированной США войной в Персидском заливе. Мадлен Олбрайт в первый год про-многосторонне настроенной администрации Клинтон утврждала, что США должны стремиться к настойчивой многосторонности, «сильнее опираясь на международные институты, правила и партнёрства... США будет лучше справляться с транснациональными проблемами, отбросив ношу мирового лидерства, обретя легитимность своих целей и действий и консолидируя развивающееся сообщество рыночных демократий»³². Эта концепция стала жертвой стратегических дебатов, которые последовали за чудовищными трудностями американской интервенции в Сомали под мандатом ООН, и позже – после боснийской катастрофы. Критика США была на своём пике в преддверии триумфа военного унилатерализма неоконсерваторов³³. В понимании Европейского Союза эффективная многосторонность – во многом реакция на унилатералистскую доктрину администрации Буша, и лишнее подтверждение, хотя и в менее благоприятной обстановке, того, что в рамках ООН можно найти легитимные возможности для того, чтобы решать проблемы международной безопасности и другие глобальные проблемы.

Новейшие амбициозные мировые силы, тем не менее, имеют отличные концепции многосторонности от концепции ЕС, больше занятые сдерживанием более сильных государств и отстаиванием собственного суверенитета, чем игрой своей роли в выстраивании эффективной многосторонней системы. Независимо от того, являются/становятся ли они членами Совета Безопасности ООН или нет, им нужно взять на себя ответственность, означающую, что их статус и цели теперь обязывают их, в частности, стремиться к более честному международному порядку, более способному регулировать или «гуманизировать» глобализацию, и прежде всего – направлять свои силы на борьбу с усиливающимся мировым беспорядком. Это в значительной степени означает готовность

³¹ A Secure Europe in a Better World, European Security Strategy, Brussels, 12 December 2003.

³² Stewart Patrick, 'Don't Fence Me In: a Restless America Seeks Room to Roam', World Policy Journal, vol. XVIII, no. 3, Fall 2001.

³³ См. Stefan Halper and Jonathan Clarke, America Alone – The Neo-Conservatives and the Global Order (Cambridge: Cambridge University Press, 2004).

встретиться с проблемами – от снижения уровня нищеты до безопасности среды и контролем над заболеваниями лицом к лицу в собственных границах, так же как и предотвращение этнических чисток и геноцида.

Страны БРИК³⁴ (а также большинство латиноамериканских стран) особенно привержены многосторонности³⁵. Бразилия, более близкая к традиции гражданской власти с акцентом на регионализме и международной торговле, может перенять многостороннюю перспективу Европейского Союза. То же в некоторой степени относится и к Индии, учитывая её демократическую сущность, традиционное лидерство нейтрального движения и стойкое влияние ненасильственной традиции и популярности доктрины защиты человека Ганди, что позволяет некоторым комментаторам классифицировать его как знатока «soft power»³⁶. Так или иначе, Индия, Китай и Россия – страны – с серьёзным отношением к суверенитету, что приводит к естественной тенденции предпочитать принцип двухсторонних отношений и куда более консервативно смотреть на многосторонность³⁷. Регионализм, одна из самых многообещающих разновидностей международных движений в 1990-х гг., сейчас оспаривается многополярностью и следующей за ней тенденцией отрицания биполярности. Тот факт, что во время первого председательства Португалии в ЕС (1992 г.), прошла первая встреча министров ЕС и МЕРКОСУР, зато во время третьего председательства Португалии (2007 г.) встречи с МЕРКОСУР не было, зато вместо этого был первый саммит с Бразилией, представляется очевидным примером этого перехода³⁸.

То, как другие основные игроки воспринимают мировой порядок и роль ЕС в его формировании, тесно связано с их восприятием американо-европейских отношений и отношений ЕС с другими глобальными игроками. Индия, гордо претендующая на звание самой большой в мире демократии, считает то, что ЕС отдаёт предпочтение своим отношениям с Китаем, парадоксом. В действительности Китай рассматривается ЕС как конструктивный партнёр, несмотря на сложности с правами человека, существующие

³⁴ Эта аббревиатура, означающая сотрудничество Бразилии, России, Индии и Китая, а позже – и ЮАР (БРИКС), была придумана Домиником Уилсоном и Рупой Пурушоттаман, 'Dreaming with BRICs: the Path to 2050', Global Economics Paper no. 99, Goldman Sachs, October 2003.

³⁵ См. Valladão, pp. 33-36.

³⁶ См. See Rajesh M. Bashur and Mallika Joseph (eds.), 'Reintroducing the Human Security Debate in South Asia', IPCS, New Delhi, 2007.

³⁷ См. Celso Lafer and Gelson Fonseca Jr, 'A problemática da integração num mundo de polaridades indefinidas', A Integração Aberta – Um Projecto da União Europeia e do Mercosul, Forum Euro-latino-americano, Lisbon, 1995.

³⁸ См. Álvaro de Vasconcelos, 'An Open Europe in a Multipolar World: Lessons from the Portuguese Experience', Notre Europe, Studies and Research no 60, Paris, October 2007.

в двусторонней повестке дня³⁹. В будущем ЕС придётся найти баланс в своих отношениях с этими двумя основными азиатскими силами.

Рассмотрение того, как Союз работает с многополярностью в XXI в. и создаёт свою паутину «стратегических партнёрств», подкрепляется мнением, что без них ключевые международные проблемы не могут быть решены удовлетворительно. Бессилие международного сообщества перед лицом нищеты, гуманитарных катастроф, ухудшения состояния окружающей среды и периферийных конфликтов – от Дарфура до Ближнего Востока – не только следствие отказа США от многосторонней дипломатии, но и результат недостаточного участия других больших сил. Но все они всё больше и больше понимают, что статус глобальных игроков обязывает их взять на себя большую ответственность.

Перед Европейским Союзом не стоит задача снова начинать уже завершённые дебаты о полезности «обязательств» и «сдерживания» с прицелом на его отношения с Китаем и Россией⁴⁰. Союзу нужна расширяющаяся, основанная на правилах позитивная повестка дня, затрагивающая торговлю и развитие, так же как и такие противоречивые вопросы, как права человека и свобода самовыражения, для обсуждения со всеми глобальными партнёрами. Политика сотрудничества ЕС с Китаем и Индией всё ещё фактически основывается на помощи в развитии⁴¹. Существует ясная необходимость в переходе к последовательному поощрению самодостаточного развития по тем же направлениям, что и обновлённая Лиссабонская Стратегия – в приоритетах которой инновации, образование и окружающая среда – через совместные программы и признание того, что Индия и Китай сегодня – основные экономические игроки, вовлечённые в процесс быстрого научного и технологического развития⁴². Этот переход уже был предложен в 2007-2013 EU Country Strategic Papers по Китаю и Индии, где ЕС определяет свои отношения с обеими странами, которые переходят от статуса просто получателей помощи по развитию к стратегическим партнёрам⁴³.

³⁹ См. Christophe Jaffrelot, 'L'epariaméricain', *Manière de Voir*, Le Monde diplomatique, no. 94, August-September 2007.

⁴⁰ См. Godement, p. 60.

⁴¹ Ibid., pp. 69-70; Ummu Salma Bava, pp. 105-07.

⁴² Лиссабонская Стратегия была основана Европейским Советом в Лиссабоне в марте 2000 г., с целью сделать ЕС «наиболее динамичной и конкурентоспособной экономикой в мире, обладающей устойчивым экономическим ростом с большим количеством рабочих мест и их улучшением, большей социальной сплочённостью и уважением к окружающей среде к 2010 году». Необходимость дать Лиссабонской Стратегии серьёзное развитие была подтверждена Европейским Советом. О развитии Лиссабонской Стратегии см.: *Estratégia* no 22-23, "The Lisbon Strategy: Reaching Beyond Europe", IEET, Lisbon, 2007.

⁴³ См. European Commission, *India: Strategy Paper 2007-2013*, доступно по адресу: http://ec.europa.eu/external_relations/india/csp/07_13_en.pdf; and European Commission, *China: Strategy Paper 2007-2013*, accessed at: http://ec.europa.eu/external_relations/china/csp/2007_sp_en.pdf.

Этого, однако, недостаточно для того, чтобы работать вместе на глобальную повестку дня, сфокусированную на развитии, каким бы ни было её подинное содержание. Растущие мировые силы и другие главные акторы в международной сфере также должны предпринять коллективную попытку предотвратить главные гуманитарные проблемы, включая те, что появляются в результате изменения климата, последующие природные катастрофы, и те, которые возникают вследствие кризисов и конфликтов, всё ещё мучающие международную жизнь. Одна из наиболее сложных проблем, к которой нужно обратиться в стратегическом диалоге с глобальными партнёрами, касается условий законного использования военной силы. Несмотря на широкие протесты против военной интервенции, в том числе – из гуманитарных соображений, появившихся после вторжения США в Ирак, ситуация, в которой всё ещё и правомочно, и необходимо обращаться к помощи силы без согласия воюющих сторон для предотвращения преступлений, например, против человечества, всё ещё сохраняется. Международное сообщество не может оставаться бессильным перед лицом геноцида, как в Руанде и Дарфуре, не потеряв своей легитимности.

Один из наиболее серьёзных рисков для нынешней международной системы, который определённо противостоит многосторонности, возникает из серьёзного искажения, вызванного т. н. культурной/цивилизационной парадигмой, которая делит мир на потенциально враждебные цивилизационные блоки, наталкивая «Запад» на «Остальных». Последние, по определению Хантингтона, представляют собой потенциальный альянс ислама с конфуцианством. Хотя в этом немного здравого смысла, возможность возникновения будущей американо-китайской биполярности, повторяющей раскол «Холодной войны», нельзя полностью сбрасывать со счетов. Это – одна из возможных форм регресса интернациональной системы, которая была описана выше.

Большая коалиция Запада не является ни желательным, ни целесообразным способом построить многосторонний мировой порядок. Мировой порядок больше зависит во многом не от долгосрочного партнёрства равных между ЕС и США, а от более широкого, содержательного глобального партнёрства между старыми, новыми и развивающимися мировыми игроками по осуществлению общесогласованных международных задач. Это несовместимо с вооружённой «лигой демократий» с предложением американского лидерства, которое сильно ослабит ООН⁴⁴. То же можно сказать и о предложении открыть членство в НАТО «любой демократии мира»⁴⁵. Несомненно, избежать трансформации НАТО в глобальный

⁴⁴ John McCain, 'An Enduring Peace Built on Freedom', Foreign Affairs, November/ December 2007.

⁴⁵ Эта точка зрения была выражена Иво Даалдером и Джеймсом Голдгейером в статье 'Global NATO', Foreign Affairs, September/October 2006.

альянс, альянс демократий против всех остальных – первостепенная задача ЕС, если он ставит перед собой задачу построить эффективную многостороннюю систему, способную интегрировать в себя все силы. Одновременно попытки создать разделение сил на «hard power» США и «soft power» ЕС, включающую незначительный военный компонент, способный справляться с nation-building и подобными заданиями, в то время как использование «hard power» остаётся в основном американским, вредоносны для честного и справедливого многостороннего мирового порядка. Отсюда следует, что эффективная многосторонность недостижима без серьёзных изменений во внешней политике Америки. США – важный элемент будущего мирового порядка. Неудача военной однополярности в Ираке открывает возможность для этого. Многие в Америке считают, что сейчас – самое время, чтобы обратиться к остальным и дать всем глобальным игрокам возможность участвовать в выстраивании международного порядка. Это вернёт Соединённым Штатам статус мощной силы в многостороннем порядке, для которого они будут «отцом-основателем», как после Второй мировой войны.

Формирование универсальной концепции «эффективной многосторонности» требует начала диалога о том, что собой представляет «эффективная многосторонность» на самом деле, не только с большими силами, но и со всем международным сообществом. Это – непростая задача. Европейская внешняя политика может быть действительно успешной только в том случае, если она обратится к «становящейся многосторонней многополярности» и начнёт стратегическое сотрудничество с регионами или странами, которые ЕС определяет как наиболее подходящие для борьбы с настоящими глобальными проблемами⁴⁶. Европейский Союз развернул обширную сеть двусторонних союзов и встреч-саммитов с отдельными силами, с важными региональными группами, такими как АСЕАН, Африканский Союз, МЕРКОСУР или Латинская Америка, со своими южными соседями – в контексте евроатлантического сотрудничества.

Развитие общей экономики и даже политической двусторонней повестки дня для двух больших сил, не может, однако, отвлечь ЕС от растущей важности других глобальных игроков: региональных или межрегиональных ассоциаций, государств, международных организаций и неправительственных организаций, иногда являющихся лучшими носителями универсальных ценностей, которые защищает ЕС в управлении глобального регулирования, наиболее надёжными защитниками прав человека и лучшими союзниками «становящейся многосторонней

⁴⁶ Nicole Gnesotto and Giovanni Grevi, *The Global Puzzle, What World Order for the EU in 2050?* (Paris: EUISS, 2006). Авторы утверждали, что «наибольшей проблемой для ЕС – согласовать появляющуюся многополярную международную систему с устойчивым, эффективным многосторонним порядком».

многополярности». Единственный способ наделить дипломатию в верхах долгосрочной системностью заключается не только в преследовании правительствами установленных целей, но также в создании обширной сети отношений между гражданскими обществами всех наших партнёров, включая страны, в которых неправительственные акторы встречаются с большими проблемами. Как заявил Хавьер Солана: «Выйти за пределы правительственно-центричного взгляда на мир, преобладающего на Западе, это то, чего требует дипломатия XXI века»⁴⁷.

Определение Европейским Союзом эффективного многостороннего порядка подразумевает необходимость в использовании военной силы в определённых обстоятельствах для борьбы с реальными вызовами международному миру и безопасности. Это должно происходить под прикрытием ЕС при полноценном сотрудничестве региональных организаций и новейших глобальных игроков, в частности – демократических Индии, Бразилии и ЮАР, составляющих Южную Коалицию и IBSA Dialogue Forum⁴⁸. Сближение этих стран на пути к концепции культуры человеческой безопасности, кризисного регулирования и государственного строительства, которой они поделятся с ЕС, нужно поощрять. Выстраивание консенсуса вокруг принципов и практики ответственности ради безопасности с Китаем и Россией также необходимо, не только для того, чтобы избежать препятствий при голосовании в СБ ООН, но и с точки зрения того вклада, который они могут и должны сделать в деле международной безопасности.

Заключение

Можно спорить с тем, что статус ЕС как глобального мирового игрока зависит от его способности сформировать мировой порядок, основанный на многосторонности⁴⁹. Вклад ЕС должен содержать три различных измерения.

Во-первых, содействие праву и обязанности защищать, которые исходят из сознания, что международное сообщество и ООН в частности ответственны за защиту прав личности сверх суверенных границ. Это означает, что ЕС должен быть активен в защите прав человека и демократии – в т. ч. и через двустороннее сотрудничество со всеми глобальными

⁴⁷ См. Speech by the European Union High Representative For Common Foreign and Security Policy at the Annual Conference of the EUISS, Effective Multilateralism: Engaging with the New Global Players, Paris, 22 October 2007.

⁴⁸ Эта трёхсторонняя инициатива была закреплена в июне 2003 года во время первой встречи представителей трёх стран, которая прошла в Бразилии. Она направлена на «исследование тем международной повестки дня в контексте общих интересов», как значится в Декларации Бразилии. См.: http://www.ibsa-trilateral.org/brasil_declaration.htm.

⁴⁹ Alexandra Barahona de Brito and Álvaro de Vasconcelos, 'Forging a New Multilateralism: A View from the European Union and the Mercosur', IEEI/Euro-Latin American Forum Report, Lisbon, October 2001, p. 9.

игроками. Такой подход совпадает со взглядом, который выразил Кофи Аннан в своём Докладе, приуроченном к началу нового тысячелетия: «суверенность государства не может быть защитной стеной для нарушения прав человека».

Во-вторых, признание преимуществ регионализма, феномена, который должен активно поощряться Европейским Союзом, чтобы он смог развиваться в структурный элемент международной системы в целом. Это значит, что Союз должен развивать цепь межгрупповых двусторонних сотрудничеств с региональными группами, и вносить региональную интеграцию в качестве приоритета своей двусторонней повестки дня в работе с глобальными игроками.

И? в-третьих, появление глобального общественного мнения, «второй волны» глобализации, которая выражает стремление гражданского общества влиять или участвовать в глобальном принятии решений. Как и глобализация торговли, финансов и услуг, это измерение глобализации создаёт необходимость в усиленном многостороннем управлении. Это означает сильную вовлеченность ЕС с НПО во все уровни внешних действий.

В нынешней международной системе общее благо требует наличия эффективного глобального управления, как недавно вновь заявил Европейский Совет⁵⁰. Но глобальное управление, в свою очередь, требует адаптации международных организаций к новой структуре мировой власти. До тех пор, пока структуры глобального управления, начиная с Совета Безопасности ООН и заканчивая МВФ, не полностью интегрировали в себя новые мировые центры международной системы, будет сохраняться тенденция роста соревнующихся и совсем неэффективных узких группировок. Принцип двусторонних отношений и присущая ему тенденция создания нестабильных альянсов также продолжит расширяться. Но такие узкие формы лидерства, хотя они могут сыграть роль в выстраивании мостов, неспособны заменить собой многосторонний порядок, при котором новейшие и появляющиеся силы смогут полностью принять свои международные обязанности.

⁵⁰ EU Declaration on Globalisation, Presidency Conclusions, Brussels, 14 December 2007.

Восточноевропейский национал-популизм и концепции многополярного мира

Бовдунов А.Л.

К альтернативам геополитической организации Восточной Европы

Мы привыкли рассматривать страны Восточной Европы в качестве зоны непосредственного влияния США. Влияние России в них после распада Советского Союза резко уменьшилось, обиды недавней истории, претензии, выдвигаемые к России со стороны лидеров этих государств, не содействовали дальнейшему улучшению отношений. Элиты восточноевропейских стран, за исключением Сербии, которая только в 2000-х гг. присоединилась к этому тренду, взяли строгий курс на вхождение в НАТО и ЕС.

Однако по мере интеграции в европейские и евроатлантические структуры непосредственное соприкосновение с Западом вызвало и противоположную тенденцию. Миры Восточноевропейских стран и мир Запада оказались слишком разными, та социокультурная система, куда восточноевропейцам пришлось интегрироваться для многих оказалась неприемлемой, раздражающей часть традиционалистски настроенных масс, а роль этих стран слишком подчиненной интересам США и западноевропейских стран, чтобы удовлетворять как часть элит, так и мощные контр-элиты¹.

В последнее время в Восточной Европе, как отмечают отечественные и западные аналитики, происходит рост настроений евроскептицизма и разочарования в либерально-демократической системе, в тех ценностях, которые открыто проповедают США и их союзники. Образ Европы, как замечают сами западные исследователи, теряет свою привлекательность для восточноевропейцев². Движущей силой роста влияния популистских движений и лидеров, к которым относят даже и таких атлантистов, как братья Качиньские или Траян Басеску, становится усталость от либерализма, стремление к другим ценностям. Таким настроениям общества в Восточной Европе соответствует серьезный «традиционалистский стержень», стремление сохранить и защитить традиционные ценности³. Авторы сборника ИНИОН РАН «Национализм и популизм в Вос-

¹ Krastev I. The Anti-American Century? // Journal of Democracy. , April 2004. Volume 15, № 2.

² Поллак Д. Национализм и евроскептицизм в посткоммунистических государствах Центральной и Восточной Европы / Восточная Европа: национальные культуры в контексте глобализации и интеграции. М., 2005. С. 10

³ Национализм и популизм в Восточной Европе. М.:2007. С 8

точной Европе», вышедшего в 2005 г., когда восточноевропейский популизм громко заявил о себе победами в Словакии, Венгрии, Польше, а в Румынии все три крупнейших партии стали популистскими, отмечают, что в случае румынского, словацкого, польского, венгерского всплесков популизма и национализма, причиной служат не только межэтнические проблемы, но проблемы социальные, а также несоответствие «европейских ценностей» традиционным и неспособность самой Западной Европы принять в себя восточноевропейцев⁴. Кроме того, как отметил еще Ларри Вульф Восточная Европа традиционно выполняла функции своеобразного «Другого» для Запада, необходимого при конструировании идентичности самих западноевропейцев⁵. Процесс интеграции восточноевропейских стран только усилил эту тенденцию. Как отмечает Томас Диез, если ранее Европа пыталась выстроить свою идентичность, отталкиваясь от фигуры темпорального «Другого» (после Второй Мировой Войны таким «Другим» стало само европейское прошлое), то с «поднятием железного занавеса», отрицаемое прошлое воплотилось в странах Восточной Европы⁶. Отдельные авторы, в частности канадский геополитик эстонского происхождения Мерье Куус, полагают, что в исследованиях относительно геополитики и социологии Восточной Европы должны более активно применяться наработки теории постколониализма⁷, имея в виду не выход из советского или российского «колониального господства», а уникальную ситуацию, при которой к странам и народам Восточной Европы Запад применял и применяет точно так же, как к бывшим в орбите его колониального влияния странам Востока, стратегии ориентализма, описанные знаменитым Эдвардом Саидом⁸. Восточная Европа продолжает оставаться внутренним «Другим» для стран Запада, тогда как с внешним «Другим» все давно ясно – это мусульманские государства (прежде всего Турция) и Россия⁹.

Восточная Европа – это «Другой Европы» и Другая Европа. Именно из ее популистского лагеря можно услышать наиболее резкие доводы против неолиберальных новшеств в ЕС, культы политкорректности и толерантности, защиты разнообразных меньшинств в ущерб интересам большинства. Именно эти политики особое внимание уделяют вопро-

⁴ Национализм и популизм в Восточной Европе. М.:2007.

⁵ Вульф Л. Изобретая Восточную Европу: карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М., 2003. С. 35

⁶ Diez T. Europe's Others and the Return of Geopolitics // Cambridge Review of International Affairs. July 2004. Vol. 17, №2. Pp. 319 – 336.

⁷ Kuus M. Europe's eastern expansion and the reinscription of otherness in East-Central Europe // Progress in Human Geography, 2004, №28, vol.4 pp. 472-489.

⁸ Саид Э. Ориентализм: западные концепции Востока. СПб, 2006

⁹ Neumann I. B. The Uses of the Other. "The East" in European Identity Formation. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1999. P. 281.

сам национальной памяти и истории, традиционной религиозной идентичности своих народов, вопросам о христианских корнях Европы.

Кто же такие восточноевропейские национал-популисты и чем отличается их мировоззрение от идеологий классических консерваторов и христианских демократов, заявивших о себе в этих регионах в 90-е годы? В первую очередь отметим, что в термине «популизм» нет ничего обидного или крамольного. Слово популизм основано от латинского “populi” - народ, и характеризуют политическую идеологию, которая обращается напрямую к народу, основной массе общества, стремится разговаривать с ним на его языке и воплощать в своей политике его ценности и чаянья. В конце XIX века мощное популистское движение существовало в самой цитадели демократии – Соединенных Штатах, объединяя стремящихся к социальному равенству с теми, кто стремился защитить традиционные ценности¹⁰. Популистские идеи, кстати, живы в США и по сей день, вдохновляя оппозиционно настроенных к двухпартийной системе неконформистов.

Восточная Европа имела и собственную традицию подобного рода движений, в XIX-начале XX века национал-популистские идеи защищали сербская Народная Радикальная Партия Николы Пашича, румынское движение «попоранистов» (народников), часть которого вошла в Национал-Либеральную Партию и существенно повлияла на ее идеологию, а часть стала основой будущих социалистов и коммунистов, Словацкая Национальная партия (историческая) и глинковская Словацкая Народная Партия и др. Характерными чертами современного восточноевропейского национал популистского мировоззрения, которое проявляется в тех или иных национальных идеологических системах являются противопоставление себя «системным» левым и правым, традиционализм, патернализм, патриотизм. Эта тенденция, отчетливо проявившаяся в середине 2010 гг. в Восточной Европе теперь проявляется и в других частях старого света. Недавний успех на выборах в Финляндии партии «Истинные финны», соединивших в своей программе патриотические, антинаатовские, евроскептицистские социальные лозунги – характерный тому пример.

На фоне происходящих в Восточной Европе социальных процессов, политической результирующей которой становится поиск альтернативы, как выхода из тупика, куда эти страны завели либеральные реформаторы, становится понятным как появление серьезных политических сил, заявляющих о курсе на многополярность во внешней политике, как альтернативе ставшему за 90-е гг. традиционным сервиллизмом так и то, что, несмотря на очевидный для непосвященных «атлантизм» этих стран, в

¹⁰ Kazin M. The Populist Persuasion: An American History. Ithaca, Cornell University Press, 1995.

них все чаще можно встретить серьезных философов и геополитиков, предлагающих свои образы многополярного мирового устройства. Самое важное, что одними национал-популистами дело не ограничивается, они являются наиболее видимой и политически активной частью представителей элит и масс, недовольных принципами той социокультурной системы, куда эти страны инкорпорируются. Есть и рафинированные интеллектуалы, жестко не связанные с крупными политическими движениями. О них, конечно, тоже надо сказать пару слов, но прежде разберемся с программами и конкретными действиями наиболее сильных партий, предлагающих своим странам переменить ориентиры во внешней политике.

Во всех странах восточной Европы можно четко выделить те политические силы, которые выступают за многополярное мировое устройство. Степень их радикализма может быть разной, но все они являются представителями того «национал-популистского тренда» о котором речь шла выше. Большая часть их сейчас находится в оппозиции, хотя и располагает серьезной поддержкой населения.

Словакия и Болгария

Примером того, насколько может поменяться внешняя политика при приходе таких сил к власти, даже в качестве младшего партнера по парламентской коалиции является пример Словакии. Напомним, что при правительстве Роберта Фицо, куда вошли и левые популисты (партия Фицо SMER), партия бывшего лидера Словакии В. Мечьяра, обвиняемого Западом в авторитарных замашках, и старейшая в стране националистическая Словацкая Национальная Партия Яна Слота, Словакия начала развивать дружественные отношения с нашей страной, вышла из войны в Ираке и поддержала Россию в августовском конфликте 2008 г.¹¹. Сейчас, хотя партия SMER и обладает крупнейшей фракцией в словацком парламенте, она находится в оппозиции правоцентристскому правительству.

Свою позицию относительно внешней политики Словакии Роберт Фицо выразил еще в предыдущей предвыборной кампании, когда заявил: «Мы однозначно отвергаем одностороннюю ориентацию Словацкой республики на Запад. Я убежден, что Словакия должна иметь взвешенные дружеские связи с Украиной, Россией, Китаем»¹².

В другой славянской стране, Болгарии, о своем стремлении к

¹¹ Трухачев В. Словакия – главный друг и партнер России в центра Европы . Международное обозрение Восток+Запад. [Электронный ресурс] URL: <http://www.eastwest-review.com/rus/article/slova-kiya-glavnyi-drug-i-partner-rossii-v-tsentre-evropy> (дата обращения - 20.03.2011)

¹² Цит. По Восканян М. Словакия и диалог «Восток-Запад». Сайт Сергея Хелемендика. [Электронный ресурс] URL: <http://chelelendik.ru/ShowDoc.php?d=723> (дата обращения - 20.03.2011)

многополярности также заявляют националисты. Здесь наиболее интересна политическая партия «Атака», феномен которой, как отмечают болгарские политологи и социологи, вызван во многом протестом против либеральных реформ и того положения, в котором в их результате оказалась страна¹³. «Атака» и ее лидер Волен Сидеров, помимо всего прочего выступает за выход Болгарии из НАТО и с 2004 г. показывает весьма стабильные результаты на общенациональных выборах (9-10%), что не всегда характерно для националистических и популистских движений Восточной Европы, многие из которых быстро теряют доверие избирателей и уступают место другим.

Среди 20 пунктов программы партии можно выделить несколько, касающихся международной политики:

- Немедленный вывод болгарских войск из Ирака.
- Выход из НАТО. Неучастие в военных блоках. Полный нейтралитет. Никаких иностранных военных баз на территории Болгарии.
- Референдум по всем важным вопросам, которые касаются образа жизни больше чем 10 % нации.
- Болгарские сельскохозяйственные территории не продаются иностранцам ни в коем случае.
- Пересмотр закрытых глав в договорах по присоединению к Европейскому союзу и изменение невыгодных для Болгарии условий. Отмена договора по закрытию АЭС «Козлодуй».
- Прекращение зависимости Болгарии от Международного Валютного Фонда и Всемирного Банка¹⁴.

Румыния

Социал-демократическая партия Румынии, для которой также характерно обращение к популизму, и Национал-либеральная партия этой страны в ходе президентских выборов 2009 г. активно выступали за улучшение отношений с Россией. Общий кандидат партий во втором туре выборов социал-демократ Мирча Джоанэ собрал половину всех голосов избирателей, уступив менее одного процента действующему президенту Траяну Бэеску.

В настоящее время, после заката партии «Великая Румыния», на выборах 2008 г. не преодолевшей пятипроцентный барьер, из крупных парламентских партий, выступающих за большую многополярность в международных отношениях, наиболее сильной является одна из трех наиболее популярных партий страны - Национал-либеральная партия

¹³ Светлорусова Л.М. Проблема национализма в Болгарии в XXI веке / Национализм и популизм в Восточной Европе. М.:2007.с 41-43

¹⁴ 20 точки на партия АТАКА. [Электронный ресурс]. URL: http://www.ataka.bg/index.php?option=com_content&task=view&id=13&Itemid=29 (дата обращения - 20.03.2011)

Румынии. С ее стороны звучит как критика МВФ (с такой критикой выступили бывший премьер-министр и лидер либералов Кэлин Попеску-Тэрычану¹⁵ и бывший министр финансов в либеральном правительстве – Варужан Возганиян¹⁶), так и участия Румынии в продиктованных иностранными интересами предприятиях, в частности участия румынских войск в войне в Ираке¹⁷.

Польша

В Польше некоторое время назад значительной популярностью пользовалось движение «Самооборона» (изначально крестьянский профессиональный союз), бывшее одним из главных элементов коалиции, приведшей к власти братьев Качиньских. Близким по духу к «Самообороне» была «Лига польских семей» Романа Гертыха. «Самооборона» и ее лидер Анджей Леппер активно выступали против либералов, интеграции в ЕС и за выход из НАТО, негативно оценивала интервенцию НАТО в Косово, занимая антиатлантическую позицию¹⁸. Леппер и его последователи единственные в Польше не боялись выступать в поддержку президента Белоруссии Александра Лукашенко.

Польские националисты (то есть наследники межвоенной эндеции, национал-демократической составляющей в польском освободительном движении), в значительной степени ориентируются на союз с Россией, которая с их точки зрения может противостоять Германии как главному врагу «польскости» и славянства¹⁹. Навязывание США своего покровительства их также не устраивает, поскольку в этом видится угроза их идентичности. В этом они следуют за одним из важнейших представителей польского национализма межвоенного периода Романом Дмовским, основателем эндеции, который помимо всех прочих заслуг перед польским народом известен еще и тем, что противопоставил антироссийскому проекту Пилсудского свой проект, направленный на союз с Россией²⁰. Влияние идей и того и другого ощущается и по сей

¹⁵ FMI tratează România ca pe o țară africană. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mdn.md/index.php?view=viewarticle&articleid=6468> (дата обращения - 27.03.2011)

¹⁶ Vosganian: Nu inteleg atitudinea FMI care protejeaza guvernul. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ziare.com/varujan-vosganian/stiri-varujan-vosganian/vosganian-nu-inteleg-atitudinea-fmi-care-protejeaza-guvernul-991481> (дата обращения - 27.03.2011)

¹⁷ CSAT respinge propunerea de retragere a trupelor din Irak (дата обращения - 27.04.2011). [Электронный ресурс]. URL: http://www.bbc.co.uk/romanian/news/story/2006/06/printable/060630_csat_respingere.shtml

¹⁸ Лыкошина Л.С. Нереальное решение реальных проблем. К вопросу о популизме и национализме в Польше / Национализм и популизм в Восточной Европе С. 62-70

¹⁹ Цит. По Восканян М. Словакия и диалог «Восток-Запад». Сайт Сергея Хелемендика. [Электронный ресурс] URL: <http://chelemendik.ru/ShowDoc.php?d=723> (дата обращения - 20.03.2011)

²⁰ Дмовский Р. Германия, Россия и польский вопрос. СПб., 1909.

день, так что можно говорить о противостоянии в Польше двух геополитических проектов фило-русского, наследующего национал-демократической традиции Р. Дмовского и антирусского, наследующего государственно-демократической традиции Ю. Пилсудского.

Из интересных польских интеллектуалов, наших современников, выступающих против однополярного мира можно отметить Марека Гвогшовского, критикующего глобализм с позиций, близких к взглядам Адама Шамира и Ноама Хомского, а также Ярослава Томашевича, доктора политических наук, редактора журнала «ЗакоженЕне», автора работы «Этноплюралистический манифест²¹». В нем и в других своих работах Томашевич стремится выйти за грань, разделяющую левых и правых, отвергая как шовинизм и расизм, имплицитно присущий большинству националистов, так и либеральный и левый космополитизм и пренебрежение этносом и этническими корнями общества, выдвигая в качестве норматива идею сохранения культурного и этнического многообразия обществ, этноплюрализма.

Отмечая в качестве корневой задачи человечества сохранение многообразия культур и народных традиций, Томашевич призывает:

«Изобилие бытия – это ключевая ценность, которую необходимо защищать. Защищая это сокровище, мы одновременно защищаем богатство и разнообразие мира вокруг нас, реальную свободу группы (сообщество не может быть свободным не осознавая свою отдельность). Более того, будучи укорененными в специфической культуре мы более восприимчивы к уникальности других культур. Все культуры одинаково чужды и безразличны для человека, лишенного корней. В этой ситуации мы можем говорить не о толерантности, но об отсутствии его собственной идентичности»²².

Венгрия

Идеи многополярного мира поддерживаются в венгерском политическом истеблишменте также силами национал-популистской ориентации. До начала 2000-х гг. единственной политической партией, выступавшей против атлантистского вектора внешней политики Венгрии была Венгерская партия Справедливости и Жизни – МІЕР (лидер партии - Иштван Чурка, известный венгерский драматург), выступавшая против вхождения Венгрии в НАТО, глобализма, американского империализма. Партия осудила бомбардировки Югославии силами НАТО в 1999 г. и вторжение США и их союзников в Ирак в 2003 г.²³

²¹ Tomaszewicz J. The ethnopluralist manifesto [Электронный ресурс] URL: <http://www.freespeechproject.com/477.html> (дата обращения – 20.04.2011)

²² Tomaszewicz J. The ethnopluralist manifesto [Электронный ресурс] URL: <http://www.freespeechproject.com/477.html> (дата обращения – 20.04.2011)

²³ Krisa B. Anti-Americanism and Right-wing Populism in Eastern Europe: The Case of Hungary. Paper presented at the Kokkalis Workshop, Harvard University, February 6, 2004.

С начала 2000 г. и по сей день наиболее мощной партией, выступающей за многополярный мир является национал-популистская Партия за лучшую Венгрию – Йоббик. Как заявлено на ее официальном сайте «Партия «За лучшую Венгрию» открыта для сотрудничества с любыми партиями и движениями, отстаивающими традиционные ценности и выступающими против диктата ЕС и нового мирового порядка глобализации²⁴».

Лидер партии Габор Вона, в своих статья и выступлениях, посвященных международной проблематике, критикует прежнее левое правительство Гюрчяня и нынешнее правое правительство Орбана за их не соответствующий венгерским интересам подход к внешней политике. Критикуются США и их стремление в одиночку управлять миром, Вона призывает более активно сотрудничать с основными центрами сопротивления новому мировому порядку – Китаем, Россией, Ираном²⁵.

Своеобразные идеи венгерского восточничества, восходящего к межвоенному венгерскому туранизму можно найти в выступлениях Мартона Дьендьеша, отвечающего за вопросы внешней политики партии. Так, выступая на международном форме в Китае, он отметил что азиатский вектор с его точки зрения должен стать основным в будущей внешней политике Венгрии. В этой связи он подчеркнул, что Венгрия является единственной страной в Европе с азиатскими корнями²⁶. В другой раз, в посольстве Ирана Дьендьеш еще раз заявил, что будучи географически европейской страной Венгрия обладает восточными душой и духом, часть венгерского народа и он сам являются по происхождению потомками разбитых в XIII в. монголами ираноязычных алан, часть которых ушла с половцами в Венгрию. Не только исторические, культурные, но, конечно, более сильные экономические и политические связи должны быть установлены с Востоком. Другой причиной ориентации на Иран, с точки зрения венгерских политиков является его независимое поведение на внешнеполитической арене, народный и консервативный характер революции 1979 г., стремление к самобытности, свободе, суверенитету, возврату к собственным традициям, тот путь, по которому с точки зрения Йоббика должна пойти и Венгрия.²⁷

Дебаты вокруг нового проекта венгерской конституции, предло-

²⁴ Jobbik. Официальный сайт. [Электронный ресурс] URL: <http://www.jobbik.com/russian.html> (дата обращения - 12.04.2011)

²⁵ Vona Gábor: A háborúról, az ellenségéről és a haditervről . [Электронный ресурс] URL: <http://kuruc.info/t/7/18197/> (дата обращения - 12.04.2011)

²⁶ Márton Gyöngyösi attended an international conference in Changchun, China. [Электронный ресурс] URL: <http://www.hungarianambiance.com/2010/09/marton-gyongyosi-attended-international.html> (дата обращения - 12.04.2011)

²⁷ Marton Gyongyosi's speech at the Iranian Embass. . [Электронный ресурс] URL: <http://www.jobbik.com/hungary/3195.html> (дата обращения - 12.04.2011)

женной правящей правой партией Fides в апреле 2011 г. продемонстрировали, что венгерское общество, по крайней мере, значительная его часть, и не только оппозиция, но и правящая партия очень своеобразно смотрят на настоящее и будущее своей страны в составе Европы. Новая венгерская конституция, призванная сменить действовавшую до этого конституцию 1949 г., была даже названа «консервативно-революционной». Действительно, не посягая прямым образом на священную корову либерализма – права и свободы человека, она предлагает такую их трактовку, в которой решающее значение занимает историческая традиция страны. Дело даже не в том, что, например, защита жизни человека по новой конституции начинается с момента зачатия, то есть, недвусмысленно запрещаются аборт, или что браком признается только формальная регистрация отношений двух людей, принадлежащих разным полам, гораздо серьезнее другое, тот религиозно-националистический дух, которым пропитана преамбула основного закона страны.

От самой первой строки («Благослови, Господь, венгров») до самой последней, авторы призывают трактовать все статьи конституции в соответствии с национальными традициями страны, ее тысячелетней историей и культурой. Не стесняются ссылаться на христианские корни Европы и христианский характер венгерского государства. Заключительным прямо-таки империалистическим аккордом преамбула ссылается на доктрину «короны Святого Стефана», суть которой состоит не только в объединении всех земель, когда то принадлежавших этой короне (вся современная Словакия, часть Австрии, румынская Трансильвания, сербская Воеводина, украинское Закарпатье, большая часть Хорватии), но в самом понимании короны как материального воплощения имперостроительной миссии, завещанной венграм их первым христианским государем и крестителем королем Стефаном Великим²⁸. Истинная корона – не те реликвии, что и сегодня почитаются с большим пиететом. Это прежде всего идея, символ власти, энергии народа, призвания его к сению властных функций в данной части Европы.

Сербия и Хорватия

В Сербии идеи многополярного мира поддерживаются большинством политических объединений в силу исторических причин и прямого военного столкновения с однополярным миром в лице США, НАТО в 90-х гг. Хотя имеются и откровенно прозападные партии типа Демо-

²⁸ Szilágyi T. Sacred Characteristics of the Nation: "Hungarianism" as Political Religion? [Электронный ресурс] URL: www.revacern.eu/exchange-programme/EP-paper%20szilagyi.pdf (дата обращения – 20.09.2010)

кратической партии Тадича, или выросшей из проамериканского НПО либеральной партии Г17+ и Либерально-демократической партии Сербии, остальные крупные политические организации выступают за многополярность. Наиболее принципиально за многополярное мировое устройство выступает Сербская радикальная партия Войслава Шешеля, занимающая в отличие от остальных позиций евроскептицизма. Поправели и демократы Войслава Коштуницы, отвергающей теперь вступление в ЕС из-за его позиции по Косово.

Среди интеллектуалов, которые развивали и развивают идеи многополярности в Сербии можно отметить ныне покойного Драгоша Калачича, главного редактора газеты «Геополитика» Слободана Ерича, доктора Смиля Аврамову, члена Сената Республики Сербской, редактора журнала «Национальная стратегия» Милоша Кнежевича, американо-сербского геополитика профессора, доктора Срдья Трифковича, сотрудничающего с палеоконсервативным американским изданием *Chronicles*, философа и публициста Марко Марковича, генерала Радована Радиновича и многих других. Главным отличием сербских авторов, выступающих с позиций многополярного мира является ориентации на Россию, сербский национализм, антизападничество. В основном затрагиваются проблемы, которые касаются непосредственно Сербии и Балкан, взаимоотношений России и Сербии, НАТОвской агрессии против Сербии, распада Югославии.

В Хорватии отсутствуют серьезные политические силы, которые выступали бы за проект многополярного мира, а вот влияние США довольно сильно. Восприятие себя в качестве части европейской цивилизации, обострившееся благодаря гражданской войне на территории бывшей Югославии (в Хорватии – официально «Война за независимость»), вызвало и ориентацию на ЕС и НАТО в 90-х гг. И все же интеллектуальная оппозиция однополярному миру в Хорватии существует, более того, выдвигаемые немногочисленными хорватскими авторами проекты оригинальны и интересны.

Наиболее известным хорватским автором, поддерживающим проект многополярного мира является бывший хорватский дипломат, ныне советник министра иностранных дел Хорватии, доктор Томислав Сунич, член Европейского движения «Новых правых». Сунич, долгое время работал в Америке и до сих пор ведет передачу на интернет-радио англоязычных новых правых “Voice of reason”. Одна из последних его книг *Homo Americanus: Child of the Postmodern Age* посвящена соотношению традиционного американского мессианизма и современной глобальной модели, которую навязывают США. Стоит отметить, что Сунич не враг консервативной Америки, более того, сторонник общей евроамерикан-

ской идентичности, однако как и американские консерваторы, он полагает, что либеральная идеология прогресса, мультикультурализм, стремление к мировому господству и насаждению абстрактных ценностей по всему миру угрожает как самой Америке, так и всем народам, которые с ней сталкиваются.

Сунич придерживается консервативных взглядов, критикует либерализм за его «тоталитаризм²⁹», отвергает политику мультикультурализма, как заведомо утопичную и разрушающую культурные основания европейской цивилизации³⁰. Сунич оппонирует идеям «глобальной» демократии, как противостоящей правам народов на собственное уникальное развитие³¹.

Не менее интересен другой представитель хорватских новых правых, член «европейских синергий» Юре Вуич, также сотрудник хорватского министерства иностранных дел, геополитик. Его работы посвящены как общегеополитическим вопросам, в частности изменению традиционной геополитики в эпоху постмодерна, так и проблемам роли Европы в новом мироустройстве. В статье «Империя и мы» Вуич выдвигает идеал европейской империи, которая является в первую очередь духовной сущностью, знаменуя собой обращение к аристократическим ценностям. Империя объединяет различные народы в одном сосуде. Различия и выраженную в них свободу народов сохраняет именно империя, которая «восстает против современного денежного варварства и смиряет святое варварство наших предков». В этой статье Вуич поддерживает идею евразийского континентального блока, противостоящего англо-саксонским талассократиям и описывает основные линии европейской имперской геополитики - к Северному морю, Балтике, Средиземноморью и Индийскому Океану³². Вуич с симпатией относится к евразийству, считая, что это идейное течение очень важно для формирования альтернативной современному миропорядку геополитической концепции многополярного мира³³. В этом году в свет должно выйти первая книга о евразийстве на хорватском языке, труд Вуича «Евразийство против атлантизма».

²⁹ Sunic T. Historical Dynamics of Liberalism: From Total Market to Total State // Journal of Social, Political and Economic Studies. 1988, vol. 13 No 4.

³⁰ Sunic T. Can Europe Learn the Lessons of Yugoslavia? Or will it continue to build societies destined to explode? [Электронный ресурс] URL: <http://www.amren.com/ar/2001/09/> (дата обращения - 19.04.2011)

³¹ Sunic T. Global Village and the Rights of People // Chronicles (A Magazine of American Culture), January 1991.

³² Vujic J. L'Empire et nous [Электронный ресурс] URL: <http://www.juregeorgesvujic.com/2011/jure-vujic-lempire-et-nous/> (дата обращения 1.05.2011).

³³ Euroazijanizam kao postmoderna 'sintagma paradoksa'. [Электронный ресурс] URL: http://www.dugirat.com/index.php?option=com_content&view=article&id=11154&catid=100:obrazovanje&Itemid=469 (дата обращения 1.05.2011).

Вуич жестко выступает против попыток объединения Европы исключительно на рациональных началах, в частности против идеи Хабермаса о постепенном движении в сторону европейского национального государства, построенного на принципах Модерна, как противовеса «вульгарной сверхдержаве» США. Конституционный патриотизм стерилен, утверждает Вуич, современная бюрократическая, рационалистическая, подавляющая этнический Эрос структура ЕС не подходит для Европы как возможного полюса в глобальной системе. Глобальному или европейскому демосу могут быть противопоставлен проект Европы как союза, объединяющего различные демой (мн. число от демос), причем политическое разделение на демой должно соответствовать культурному многообразию Европы, ее регионов, выстраивая европейский проект на органической, а не искусственной основе³⁴. С точки зрения Вуича в Европе необходим переход от либеральной постдемократии и невыполнимой идеи единой европейской демо-кратии (что требует наличия единого европейского демоса) к демой-кратии, что означает переход «от общей идентичности к разделяемым или плюральным идентичностям, от общности идентичности к общности геополитических проектов больших континентальных пространств и, наконец, от многоуровневого управления к многоцентричному или многополярному управлению»³⁵.

Кроме геополитиков, выходцев из научных и дипломатических кругов защитником идеи многополярного мира может быть назван популярный правый католический публицист, бывший участник войны в бывшей Югославии Марко Франчишкович. С его точки зрения, политика союза с США и Великобританией ставит под угрозу хорватские национальные интересы, независимость государства и католические ценности, которые подрываются глобализмом, американским протестантизмом и пр. Хорватия могла бы выиграть, если бы переориентировалась в своей внешней политике на Россию, для которой предоставила бы выход в Адриатическое море, и Германию, предоставив немцам выход в Адриатику и через дунайскую речную систему. Таким образом Хорватия бы упрочила свои позиции, став наиболее желанным и важным стратегическим партнером двух континентальных государств на Балканах, являясь своеобразной «скрепкой» между ними³⁶.

Ориентированная на традиционные ценности и сохранение национальной идентичности часть восточноевропейских обществ уже сейчас выдвигает геополитические проекты альтернативной организации этого пространства, которые выглядят благоприятными для России.

³⁴ Vujic J. Global demos: Critical Analysis of Global Democracies // Ab Aeterno. 2010. Issue 3. Pp 54-55

³⁵ Vujic J. Global demos: Critical Analysis of Global Democracies // Ab Aeterno. 2010. Issue 3. Pp 57

³⁶ Franciscovic M. Geopolitička spajalica [Электронный ресурс] URL: http://hrsvijet.net/index.php?option=com_content&view=category&layout=blog&id=50&Itemid=331 (дата обращения 1.05.2011).

Общность геополитических и ценностных вызовов рождает в некоторых случаях и общность проектов по решению схожих проблем. Идеи многополярного мира, в данном регионе планеты рука об руку идут с ценностным консерватизмом, а отвержение однополярного мира с обращением к исторической традиции каждого конкретного народа. Они получают свое развитие в восточноевропейской правой мысли, в теоретических концепциях и программах конкретных партий и движений. Здесь представлен лишь беглый обзор основных движений и персоналий, но думаем, что и он будет полезен в условиях, настоящего идейного «железного занавеса», что пал между нами и востоком Европы после разрушения социалистической системы.

С точки зрения теории социокультурной динамики те вызовы, с которыми сталкиваются восточноевропейские общества, идентичны тем, с которыми сталкивается и Россия. Как отмечает В.И. Добренков в работе «Кризис нашего времени в контексте теории культурной динамики Питирима Сорокина, постсоциалистическое общество, выйдя из идеационной фазы, «проскочило идеалистическую и сорвалось в чувственную культуру»³⁷. Общность проблем вполне может быть конвертирована в концептуальную общность их решений и в виде «мягкой силы» - в геополитический ресурс (вспомним какое важное значение Восточной Европе придавал еще Маккиндер), если Россия предложит иную цивилизационную альтернативу, нежели та, что предлагается Восточной Европе в рамках западной социокультурной суперсистемы, принадлежность к которой определяет и геополитическую ориентацию на ее центр – США.

³⁷ Добренков В.И. Кризис нашего времени в контексте теории социокультурной динамики Питирима Сорокина // Русское Время. Журнал консервативной мысли. Январь-март 2010, №1 (2), С. 4-11.

Рецензии

Уильям Ф. Энгдаль. Боги денег. Уолл-Стрит и смерть Американского века. СПб.: Проект «Война и мир», 2011. – 452 с.

Савин Л.В.

Как указывает сам автор в предисловии к изданию, эта книга – попытка помочь гражданам поставить диагноз. Поскольку она повествует о политических и финансовых манипуляциях самого высокого уровня, из-за которых начинались военные конфликты и экономические катастрофы, то речь идет о болезни, которая угрожает существованию всего мира. Эта болезнь связана с невиданными доселе высотами власти, к которым благодаря махинациям с экономическими потоками, дипломатическим давлением и политическими трюками, умудрились прийти определенные группы людей, которые контролировали Федеральную Резервную Систему США, ряд корпораций и правительства других стран. В предисловии к русскому изданию автор, являющийся известным геополитиком и экономистом (это четвертая его книга, переведенная на русский язык), дает цитату одного из группы мудрецов, бывшего госсекретаря США Генри Киссинджера, которая в свою очередь является перефразировкой известного высказывания Х. Макиндера: «Если вы контролируете нефть, вы управляете целыми странами; если вы контролируете продовольствие, вы управляете людьми. Если вы контролируете деньги – вы управляете всем миром». Хотя в этой книге достаточно уделено внимания и нефтяному кризису 1973 г., и интересам клану Рокфеллера, и связанным с этим политическим дестабилизациям (которые включают в себя, но не ограничиваются различными спецоперациями ЦРУ как в США, так и за их пределами), все же основной посыл этой книги – это финансовые операции, которые вначале спровоцировали ряд кризисов в самих Штатах, а позже в гонке за дешевыми ресурсами и процессе демонтажа существующей мировой системы привели и к последнему мировому кризису. В связи с этим во вступлении У. Энгдаль задается вопросом – почему Дмитрий Медведев пригласил возглавить проект по инновациям тех самых персон, которые целенаправленно разрушали эконо-

мики других стран, - это главы «Морган Чейз Дж. П.», «Ситигруп», «Голдман Сакс», «Банк оф Америка», «Морган Стенли» и пр.

Однако, все начинается с конца XVIII в., когда в США осуществлялись первые попытки основания собственного национального банка. С этого и начинается эпопея торговых и финансовых войн, связанных с идеями богоизбранности американской политической элиты и могуществом банковских группировок, устраняющих конкурентов и тех, кто им мешает, кем бы они ни были. Протягивание нужных законов, задействование международной сети своих агентов в правительствах других стран и различных лобби групп – подобные уловки Уолл-Стрита на протяжении более века приведены в книге с различными подробностями и деталями. Приведение в сносках различных документов и архивных материалов в издании значительно повышает его ценность, так как качественно отличается от подобных исторических исследований, которые грешат излишней конспирологичностью.

Впрочем, могущество Уолл-Стрита, которое росло с каждым годом, по мнению автора было напрямую связано с основными военными конфликтами XX века – Первой и Второй мировыми войнами (в том числе провокацией атаки Японии на Перл-Харбор и применением ядерного оружия), организации войны в Корее и Вьетнаме и других преднамеренных действий на чужих территориях с целью обоснования проведения определенной политико-экономической линии по отношению к своим сателлитам, конкурентам и условно нейтральным странам.

Также отмечена роль организаций Бреттон-Вудской системы – Всемирного банка и Международного Валютного Фонда, которые вместе с Всемирной Торговой Организацией стали инструментами проведения политики неолиберализма. Действия этих структур довольно легко объяснимы – они ведут переговорный процесс с государством, которое испытывает финансовые проблемы (возможно, искусственно спровоцированные), далее стране навязываются программы структурного регулирования, которые обязывают открыть границы для дорогих американских товаров и в то же время искусственно занижить цены на сырье. Вместе с этим завышаются тарифы на основные социальные нужды – жилье, образование, медицинское обслуживание и т.п. Как мы знаем, подобные программы уже неоднократно приводили к социальным кризисом в ряде стран и критиковались как теми, кто испытал на себе их последствия, так и инсайдерами Бреттон-Вудской системы (например, бывшим главным экономистом Всемирного банка, Нобелевским лауреатов Дж. Стиглицом).

Наиболее близкие к нам в исторической перспективе кризисы – от Восточноазиатского 1997 г. до 2007 г. также достаточно подробно описаны вплоть до механизмов попыток выхода из кризиса правительством

США, которые повторяли предыдущие схемы, приводившие к одному результату – небольшая группа становится еще богаче (и могущественнее), а рядовые граждане беднее.

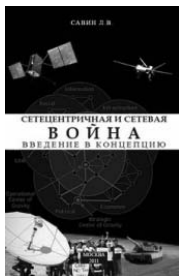
Хотелось бы верить, что Штаты, поскольку оттуда и исходили все подрывные экономические действия, описанные в этой книге, действительно стоят перед угрозой разрушения, как пишет автор в последней главе, проводя параллель с упадком Римской Империи, где наподобие того, как «Боги денег на Уолл-Стрит» использовали плавающий доллар и виртуальные деньги для поддержания фасада платежеспособности, императоры снижали содержание золота и серебра в монетах, чтобы продолжить существование неустойчивой системы.

Савин Л.В. Сетецентричная и сетевая война.

Введение в концепцию.

М.: Евразийское движение, 2011. - 130 с.

Алтухов В.В.

Евразийское движение по решению кафедры Социологии международных отношений Социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова выпустили в свет монографию главного редактора портала Геополитика.Ру, а так же главного редактора журнала «Геополитика» Леонида Владимировича Савина.

Адресуя свою работу, прежде всего специалистам в области безопасности, конфликтов, международных отношений, а так же для политологов, дипломатов и военных, автор поставил перед собой задачу распутать клубок, в котором за последние несколько лет переплелись термины и понятия, доктрины и методологии связанные с концепциями сетецентричных (Netcentric Warfare) и сетевых войн (Network). Разграничивая эти понятия, Леонид Савин определяет их следующим образом: сетецентричная война – это военно-техническая революция сверху, в то время как сетевая война это скорее социально-политические инновации снизу, применяемые для достижения своих целей определёнными группами, подразумевающие вместе с политической борьбой контроль обществом властных структур и вовлечение в принятие решений.

Стоит отметить нехватку русскоязычных материалов по данным проблемам, а так же непроработанность терминологии, все это автор пытается восполнить в своей книге для избегания лаку и заимствований в этой сфере,

предлагая расширять знания в области стратегической культуры и, в первую очередь, относящуюся к сфере безопасности государства. Не претендуя на полноту изложений, Леонид Савин предлагает отнестись к его работе как к введению в концепцию новых теорий и практик конфликтов, приглашая отечественных исследователей к работе в данном направлении, которая является насущно необходимой с точки зрения социальной стабильности и национальной безопасности.

Именно разграничение и несводимость в единое поле понятий концепций сетцентричных (Netcentric Warfare) и сетевых войн (Network) обуславливает структуру монографии разбитой на две части, каждая из которых и освещает определенную концепцию, начиная с истории появления и предположений по наши дни.

Сетцентричная война. Концепция глобального доминирования вынашивалась многие годы в научной, военной, политической, религиозной среде США. Леонид Савин ревизионировал интеллектуальное наполнение этого тренда в хронологическом порядке и подвел читателя к переломному моменту, который произошел в 1991 г. (Операция «Буря в пустыне» в Ираке) и ознаменовался появлением новой природы войны.

Автор, выделяя основные моменты этого феномена, замечает, что несмотря на наличие большого военного потенциала, вооруженные силы Ирака понесли сокрушительное поражение. Во-первых, против них применялось высокоточное оружие, во-вторых, основной упор США и силы НАТО делали на авиацию и крылатые ракеты, запускаемые с палуб военных кораблей, наземная часть операции длилась четыре дня при общей протяженности ведения военных действий равной месяцу и десяти дням. Немаловажную роль в победе коалиции сыграла запущенная в строй система спутниковой навигации GPS, пусть и частично введенная в эксплуатацию. Во время операции «Буря в пустыне» был применен синергетический потенциал военно-воздушной и космической силы, в первую очередь для коммуникаций, связи и навигации. Пожалуй, одним из ключевых моментов этой кампании являлась информационная составляющая, а именно освещение событий в режиме онлайн телекомпанией CNN, что вылилось в такое понятие как «телевизионная война».

Анализ победы в иракской кампании заставил Пентагон пересмотреть свою оборонную доктрину. В частности рассматривая технологический аспект, связанный с изменением методов ведения боевых действий автор отмечает, что потребовалось не только оснащение войск новейшими видами вооружения, но и новое мышление военнослужащих всех рангов, включая новые формы взаимодействия, обучения и практического опыта. Тем более, что боевые действия в Сомали в 1992 г., в Боснии в 1993 г., в Югославии в 1999 г. убедили Пентагон в правильности выбранного курса.

Но возвращаясь к событиям иракской компании, Леонид Савин предлагает читателю познакомиться с полковником ВВС США Джоном Уорденом, в задачи которого входило проектирование долгосрочных компаний. Он известен тем, что разработал системный подход к боевым действиям, назвав его операцией на основе эффектов (Effect-based Operations). Сама же концепция была построена на уникальной модели современного государства, представляющую из себя структуру из пяти концентрических колец: в центре национальные Лидеры, которые защищены четырьмя остальными: Производство (жизненно необходимое во время боевых действий), Инфраструктура (дороги, энергосети и т.д.), Народонаселение, Вооруженные силы. Таким образом, при помощи новых технологий «Стэлс» и точного наведения планировщики под руководством Уордена предложили схему «война изнутри наружу», основанную на поражении внутреннего кольца. Так же интересно мнение американского стратега относительно того, что любая страна среднего размера при поражении до 500 ее объектов может быть полностью парализована.

В настоящее время в военно-политических кругах США под операцией на основе эффектов принято понимать процесс, направленный на получение желаемых стратегических результатов или «эффект», оказываемый на врага посредством синергетического, мультипликативного и кумулятивного применения полного спектра военных и невоенных возможностей на тактическом, оперативном и стратегическом уровнях. ООЭ включают в себя идентификацию и боевое столкновение с уязвимыми и сильными сторонами противника объединённым и целенаправленным способом, используя все доступные средства для достижения конкретных последствий в соответствии с намерениями командира. Понятие эффекта описывается следующим образом: физический, функциональный или психологический результат, событие или то, что является результатом военных или невоенных действий.

Разобрав подробно атрибуты ООЭ, автор отмечает те новые аспекты, которые обеспечивают командиров и планировщиков новыми возможностями для атаки на элементы воли противника, тем самым непосредственно избегая или снижая зависимость от чисто физических, разрушительных мер воздействия.

Завершая описание концепции ООЭ необходимо сказать о том дополнении, которое привнес генерал Дэвид Дептула. Акцентируя внимание на понимании противника как системы, генерал предложил расширить ООЭ от применения исключительно в вооруженных силах до всех национальных уровней, включая дипломатический, информационный и экономический. Его понимание концепции ООЭ привносит в образ мышления альтернативную концепцию войны на основе контроля, а не традиционных концепций уничтожения и истощения.

После рассмотрения новой природы войны Леонид Савин предлагает ознакомиться с революцией в военном деле (РВД), автором которой являет-

ся адмирал Уильям Оуэнс. Развивая системный подход, адмирал предложил новую структуру военных сил США, отмечая при этом произошедшие три революции, которые направили вооруженные силы в сторону фундаментальных изменений. Разберем только одну из них, которую принято называть революция в военном деле (РВД). Вот как сам автор концепции описывает изменения РВД: «Разведка, наблюдение и рекогносцировка включают в себя сенсоры и передающие технологии, связанные со сбором данных ISR, а так же новые средства, с помощью которых мы в состоянии отследить то, что делают наши собственные войска». При этом адмирал Оуэнс добавляет, что продвинутая система С4И – командование, контроль, коммуникации, компьютерные программы и обработка разведанных – царство, в котором мы преобразовываем осведомленность сенсоров в преобладающее понимание пространства боя и конвертируем это понимание в миссии и приказы, предназначенные для того, чтобы видоизменять, контролировать и превосходить в том пространстве, где происходит сражение.

Стоит напомнить, что системный подход подразумевает не только военную среду, но и иные национальные уровни, которые подробно рассмотрел генерал Дептула. Основным в РВД адмирал Оуэнс выделяет оценку эффективности ведения боя, которая позволит действовать внутри цикла принятия решений, так называемая петля НОРД (Наблюдение-Ориентация-Решение-Действие).

Еще одним важным шагом на пути концепции сетцентричных войн Леонид Савин выделяет концепцию Joint Vision 2010, принятую Объединенным комитетом начальников штабов Пентагона, в которой была изложена идея «Полного Спектра Доминирования». В документе указывалось, что видение будущей войны связано с применением разведки, системы командования и контроля и направлено на развитие четырех операционных концепций: доминирующий маневр, точность взаимодействия, полномерная защита и сосредоточенная логистика. Так же было указано, что для интеграции необходимо полное объединение : институциональное, организационное, интеллектуальное и техническое, то что можно описать неологизмом Оуэнса «система систем».

В целом ООЭ, РВД и СЦВ это взаимосвязанные концепции и в зависимости от условий и характера боевых действий и стратегического планирования может применяться один из терминов или все вместе. После затянувшегося описания предпосылок перейдем к видению автора непосредственно самой концепции Сетцентричных войн (СЦВ). Для этого перейдем к рассмотрению внедрения данной концепции.

По определению Пентагона, сетцентричная война направлена на перевод информационного преимущества с помощью информационных технологий в конкурентное между надежными сетями географически распределенных сил. В сочетании с изменениями в технологиях, организации, процессах

и людском потенциале это позволит создать новые формы организационно-поведения. Новая форма войны основана на четырех принципах:

- Прочные силы, построенные по принципу сети и усовершенствующие распределение информации.
- Распределение информации и взаимодействие улучшает качество информации и всеобщей ситуационной осведомленности.
- Всеобщая ситуационная осведомленность улучшает самосинхронизацию.
- А это в свою очередь значительно повышает эффективность миссии.

Суть концепции заключается в том, что войска, действующие по этим принципам, будут иметь увеличенную боевую мощь и достигнут большей скорости командования, а так же повысят свою живучесть и гибкость.

Цель СЦВ состоит в преобразовании военной структуры в такую конфигурацию, которая сделает войска наиболее эффективными: они будут быстрее; состоять из более рассредоточенных сил; понизят коэффициент смертности, в то же время уменьшая зависимость от применения оружия; будут иметь возможность предвидеть; интегрировать новые технологии в сеть для производства информации и получения преимущества в скорости по сравнению с будущими оппонентами.

В монографии Леонид Савин приводит очень большое количество графиков, схем, диаграмм и т.д. для визуализации материала, что позволяет воспринимать информационную составляющую более объемно и более эффективно, тем более что очень подробно в книге освещен переход от гипотез СЦВ к опыту. Ссылаясь на работы Дэвида Альбертса, Джона Гарстка, Ричарда Хайса и Дэвида Синьори автор показывает, что СЦВ охватывает три сферы – физическую, информационную и когнитивную, активное и правильное взаимодействие между которыми увеличивают боевую мощь.

Отслеживание ситуации у союзников и врагов - это еще один из фундаменталов СЦВ. Эдвард Смит выводит его в формулу, которая воплощена посредством ООЭ – совокупность действий, направленных на формирование модели поведения друзей, нейтральных сил и врагов в ситуации мира, кризиса и войны. На уровне мировой геополитики эта формула сочетает стратегию с комплексной и адаптивной структурой военной системы.

В разделе посвященном СЦВ главный редактор портала Геополитика.Ру выделяет место информационным войнам, которые заключают в себе как технологический, так и социально-политические аспекты. Термин, кстати говоря, широко используется экспертами, политологами и СМИ, зачастую носит несколько сумбурный характер, наполненный зачастую несколько искривленными смыслами. Леонид Савин и тут наводит порядок в терминологии и понятиях, ссылаясь на работы Себровски, Гарстка и Альбертса, он отмечает, что информационные технологии не только изменяют саму природу того, что мы подразумеваем под войной и военными операциями, но также

породят целый ряд действий, которые станут привычными для будущих поколений в качестве ведения войны.

Рассматривая критику СЦВ, Леонид Савин говорит, прежде всего, о консервативных кругах Пентагона, связанных со структурами ВПК, которым не выгодно переходить на новую модель ведения боевых действий. Так же среди критиков оказался видный геополитик Тамас Барнетт, который вместе с критикой СЦВ поставил под сомнение модель Урдена о центрах гравитации, раскритиковал петлю НОРД и децентрализацию принятия решений. Как теоретическая конструкция СЦВ находится далеко от земной реальности и природы войны. Это иллюзия и для вооруженных сил и для общества, вера в то, что технология может решить все проблемы, поставленные противником, была разрушена в Ираке и Афганистане, когда обычные военные действия заканчивались.

Вторую часть своей монографии Леонид Савин посвятил освещению понятий связанных с концепциями сетевых войн, утверждая, что влияние информационной эпохи сказалось не только на военно-промышленном комплексе США. Социальная динамика, процессы глобализации, новые достижения в сфере масс-медиа и коммуникационных технологий, а так же культура постмодерна глубоко изменили саму суть современного общества. Рассматривая конфликты и общество сети, автор дает определение обществу сетевых структур (Network society), характерным признаком которого является доминирование социальной морфологии над социальным действием. Наверное, стоит пояснить подробнее, что понятие социальная морфология было привнесено в социологию Э. Дюркгеймом и подразумевает структурное строение общества в его взаимодействии с окружающей средой. Социальное действие привнесено в научный обиход М. Вебером, который определяет его как действие, сознательно ориентированное индивидом на ожидания других людей и тем самым уже соотнесенное с их настоящим, прошлым или будущим поведением.

Но вернемся к книге Леонида Савина, который цитируя работу «Становление общества сетевых структур» Мануэля Кастельса отмечает, что в 1990-х гг. практически все наиболее значимые общественные движения в мире организовались при помощи Интернета, развитие которого превратилось в главный инструмент деятельности, информирования, вербовки, организации, доминирования и контрдоминирования.

Что касается термина «сетевая война», то его авторы Джон Акрила и Дэвид Ронфельдт дают следующее определение: сетевая война – это идеационный конфликт социетального уровня, проходящий с помощью интернет коммуникаций. Она связана с идеями и эпистемологией – что известно, и каким образом это известно, сетевая война во многом проходит через коммуникационные системы общества.

Повествуя о структуре сетей, Леонид Савин акцентирует внимание читателя на том, что в идеальной форме акторы сетевой войны представляют

собой сети небольших разнотипных объединений, напоминающих ячейки, которые рассредоточены, но взаимосвязаны. По своей структуре сеть может иметь форму цепи или звезды, а в идеале - всесвязанный структурный дизайн посредством гибридизации и многоуровневости. Вне зависимости от типа, структура сетей имеет четыре уровня: организационный, доктринальный, технологический и социальный. Сильнейшие сети – это те, в которых организационный уровень поддерживается пропитывающей его доктриной или идеология гармонична всей структуре и где все это прослоено продвинутыми телекоммуникациями и на базовом уровне имеются традиционные сети персональных и социальных уз.

После описания базовых понятий сетей автор монографии переходит к описанию сетевых воинов, к которым он относит этнические, националистические и сепаратистские движения, криминальные группировки, террористов и революционеров, хакеров, а так же военизированные группы социальных активистов. Но главным ресурсом сетевой войны является сама сетевая структура. Сеть плетется из множества узлов, каждый из которых выполняет свою, часто узкоспециализированную задачу.

Далее в своей работе Леонид Савин на примерах подробно рассматривает криминальные, этнические, гражданские и религиозные сети, а так же сети и государственную стратегию, на чем хотелось бы остановиться для более детального описания, так как все вышеперечисленные сети являются угрозой для государства. Для ответа на вопрос: «что же в таком случае должна предпринять власть?» приведем цитату отцов-основателей сетевых войн Акрилы и Ронфельдта, которые говорят о том, что у государств имеется целый диапазон вероятных стратегий для того, чтобы иметь дело с сетевыми негосударственными акторами. Общая область альтернатив для стратегов состоит из двух осей: одна основана на военной и экономической жесткой силе, а другая основана на идее мягкой силы. В последнее время США активно используют обе, зачастую прибегая к различного рода гибридным смесям.

Так же автор книги говорит о том, что специалисты RAND использовали методы применения власти и силы по отношению к объекту влияния. Подробно о видах власти рассмотрено в работах профессора Гарвардского университета Джозефа Найя и бывшего госсекретаря Ричарда Эрмитажа. Мы же кратко скажем о жесткой силе (*hard power*), которая позволяет использовать метод кнута и пряника для получения желаемого результата; мягкая сила (*soft power*) дает возможность привлекать людей на свою сторону без применения насилия, в этом случае фундаментальной основой является легитимность. Умная сила (*smart power*) не является ни *hard* ни *soft*, но представляет комбинацию обоих. Авторы концепции так описывают ее: *smart power* означает развитие интегрированной стратегии, ресурсной базы и инструментария для достижения целей США, которые предусмотрены и *hard* и *soft power*.

К понятиям сетевых войн Леонид Савин так же относит концепцию кибервойны, говоря о том, что киберпространство и информационная сфера есть подмножество более широкой ноосферы, которая является глобально описываемым царством разума. Наиболее удачное определение боевых действий в киберпространстве по мнению автора принадлежит генералу Джеймсу Картрайту: кибератака – это намеренное причинение вреда одной стороной (которая атакует) по отношению к другой (мишень) в связи с системными интересами. Мишень так же может выступать в качестве отвечающей стороны... Киберсдерживание – достижение таких возможностей в кибер пространстве, когда мы можем сделать с другими то, что они не могут сделать с нами.

Так же, на мой взгляд, весьма уместным и очень познавательным в книге Леонида Савина является раздел посвященный военным и политическим манипуляциям с сетями. В качестве примера подобных действий автор предлагает рассмотреть цветные революции. Оппозиционные партии, группы недовольных, различные неправительственные организации могут выступать катализатором общественно-политических бунтов, за которыми, как правило, стоят правительства иностранных государств, оказывающие финансовую помощь организациям, инициировавшим беспорядки и акции протеста, проводящие подготовку активистов, осуществляющие медийную поддержку и оказывая при этом политическое давление на руководство стран, требуя инициировать «демократические реформы». Успех подобных мероприятий связан с тем, что практически все нынешние социальные движения по своей сути уже являются неформальными сетями, связывающими плюрализм индивидуумов и групп, которые с организационной точки зрения более или менее уже структурированы.

В заключении Леонид Савин говорит о том, что акторами сетевой войны продолжают выступать представители самых различных формальных и неформальных структур – от этнических групп и диаспор, идеологических объединений и профсоюзов до транснациональных корпораций и лобби групп, частных военизированных структур и преступных группировок. Поскольку границы сетевой войны размыты, инициаторы ее проведения зачастую остаются вне поля зрения, используя классические механизмы конфликтов – от подстрекательства до поощрения. Авторами сетевых войн часто оказываются различные исследовательские институты, аналитические центры и неправительственные фонды, разрабатывающие сценарии по заказу различных правительственных агентств.

Завершая книгу, Леонид Савин задается риторическим вопросом (риторическим ли?): какие последствия будут для стран и народов, где случайное событие с помощью сетевых технологий сможет создать снежный ком реакций, приведший к конфликтам и хаосу?

Книгу можно приобрести на сайте www.evrazia-books.ru

Геополитика сентябрь 2010 – сентябрь 2011

№1

№2

№3

№4

№5

№6

№7

№8

№9

№10

№11

№12

Сведения об авторах

Алтухов Вячеслав Викторович – сотрудник информационно-аналитического отдела Международного «Евразийского движения».

Бишоп, Свен (Sven Biscop) – директор Программы безопасности и глобального управления в Эгмонтском Королевском институте международных отношений (Брюссель, Бельгия).

Бовдунов Александр Леонидович – аспирант кафедры социологии международных отношений Социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

Валлерстайн, Иммануил (Immanuel Wallerstein) - американский социолог, один из основателей мир-системного анализа.

Васконселос де, Альваро (Alvaro de Vasconcelos) – директор Института исследований по безопасности Европейского Союза (Париж, Франция).

Дугин Александр Гельевич - доктор политических наук, профессор, и.о. зав. кафедрой социологии международных отношений Социологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

Желтов Виктор Васильевич – доктор философских наук, профессор, декан факультета политических наук и социологии Кемеровского государственного университета, заслуженный работник высшей школы РФ.

Желтов Максим Викторович – доктор социологических наук, профессор кафедры государственного и административного права КемГУ.

Ренард, Томас (Thomas Renard) – научный сотрудник, Программы безопасности и глобального управления в Эгмонтском Королевском институте международных отношений (Брюссель, Бельгия).

Савин Леонид Владимирович - главный редактор журнала «Геополитика» и интернет портала Геополитика.Ру.

Геополитика № 11. Экономический кризис

СОДЕРЖАНИЕ

Мировой экономический кризис: кризис политической экономики	4
<i>Джордж Фридман</i>	
Идеологический кризис западного капитализма	10
<i>Джозеф Стиглиц</i>	
Финансовое цунами: дело в отношении рейтинговых агентств	13
<i>Майкл Хадсон</i>	
Геофинансы XXI века – доминирование англосаксонской либеральной модели.	21
<i>Смирнов Ф.А.</i>	
Как разрешить кризис евро	34
<i>Джорж Сорос</i>	
Циклическая модель экономики, войны и гегемонии	37
<i>Савин Л.В.</i>	
Геополитическая концепция Р. Штраусс-Гупе	44
<i>Якушина О.И.</i>	
Рецензии.	63
Сведения об авторах	74

Геополитика.
Информационно-аналитическое издание.
Выпуск XII, 2011. - 100 стр.

Печатается по решению кафедры
Социологии Международных
Отношений Социологического факультета
МГУ им М.В. Ломоносова.

© – авторы.

Адрес редакции:

РФ, 115432 г. Москва, 2-й Кожуховский пр. д 12, стр. 2

Тел. (495) 679 25 11

Факс (495) 783 68 66

Geopolitika.ru@gmail.com

www.geopolitika.ru

Подписано в печать 29 сентября 2011 г.